
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член союза журналистов Москвы. Пишет прозу. С 2007 года публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова

ЕВСТОЛИЯ

— Знаешь, почему я не стал патологоанатомом? — спросил меня мой старый одноклассник Роберт Трушечкин.

Мы сидели на открытой площадке Макдональдса в Тушино и лениво жевали гамбургеры после принятого по баночке ginandtonic.

Прошло почти тридцать лет после окончания мединститута. Мы стали солидными докторами. Был теплый сентябрьский вечер, и все располагало к воспоминаниям.

— Да, помню, ты хотел стать патологоанатомом. Чего мало кто из нас тогда хотел. Все больше в хирурги намеревались. Молодо-зелено. Так что же?

— Помнишь, старик, после четвертого курса мы поехали на производственную практику. Наша группа распределилась в Озеры. Ты с нами не поехал из-за Татьяны. Ты поехал с ее группой. Куда вы поехали?

— В Касимов, — ответил я.

— Вот-вот. А мы — в Озеры. Городок ничего. Вроде Иванова — города невест. Текстильная мануфактура, одним словом. Местные врачи предупредили, чтобы мы, ребята, с тамошними девицами — ни-ни. А то побьют.

Нас, мужиков, поселили в поликлинике. По утрам мимо комнаты, где мы жили, несли анализы в лабораторию. Коридор к восьми утра забивала очередь, стоял гудеж и выспаться после дежурства было невозможно. Девчонок поселили в женской консультации, через два квартала от нас. Они говорили, что тоже — «не сахар».

Развлечений особых не было. Не то, что сейчас: дискотеки, клубы всякие — кино только. Как раз в то время на экраны вышла американская картина «Война и мир». Наташу играла Одри Хепберн.

— Да, помню. В Касимове этот фильм тоже тогда шел.

— Мишка Усатов, помнишь его, хирургом в Рязани сейчас, сказал тогда, мол, какой смысл жениться, если такой, как Хепберн, больше не может быть.

Девчонки обиделись на него.

Самым приятным развлечением в Озерах была Ока. Рядом, недалеко, в общем. Купание мировое. Если дежурство было не тяжелым, сразу после шли купаться. Предварительно подкрепившись. Кормили, как и вас, наверное, прямо в больнице, из больничной кухни. Так себе, но сытно. Гарнира можно было есть от пуза.

Но практика в Озерах, доложу, была отменная. Не чета теперешней. Сейчас они, говорят, практику проходят в клинических больницах города, у себя на кафедрах. Ведь им ничего не достается. А мы, ну ты сам знаешь, все делали сами.

— Ну не все, положим,— возразил я лениво, жуя гамбургер и пальцами подбирая из бумажного пакетика картофель фри.

— Почему? Я роды принимал. Вел прием за участкового терапевта, бегал по вызовам. Ассистировал на операциях. Первым ассистентом! Ведущим хирургом был там сам главный врач. Хороший мужик со смешной фамилией — не то Маломуж, не Маложен. Оперировал классно. И не жадничал. Много давал делать нам.

— Так почему ты не стал патологоанатомом? — спросил я.

— С операции все и началось. На моем дежурстве поступила девушка с аппендицитом. Лет семнадцать. Имя у нее было необычное. Ты когда-нибудь слышал такое имя — Евстолия? Она была Евстолия. Приехала, кажется, из Вологды учиться не то на ткачиху, не то на мотальщицу. Я собрал у нее анамнез... Красивая девушка была.

Почему была?

— Слушай, слушай. Настоящая северная русская красавица. Глаза большие, как блюдца, синие. Нос прямой, тонкий. Хоть икону с нее пиши, одним словом. Сам анамнез собираю, а налюбоваться не могу. Боль делала ее лицо еще красивее.

Доложил Маломужу. Говорю — «аппендицит». Он посмотрел, говорит — «правильно, молодец». «Ну,— говорит,— оперируй». А что? Помылся, встал к столу. Знаешь, в молодости все нипочем. Хотя, конечно, трусил. Но уж очень хотелось перед Евстолией выглядеть таким заправским хирургом.

Соперировал. Маложен мне ассистировал, конечно. Я изо всех сил старался, чтобы ей больно не было... Кожа белая, бархатистая. Подкожно-жировой клетчатки чуть-чуть, не больше сантиметра. Ну, прямо, модель, как сейчас бы сказали.

На другой день пришел на обход. Подхожу к ней. Глаза-блюдца сияют синим пламенем. «Спасибо,— говорит,— доктор».

— Влюбился, что ли? — сыронизировал я.

— Не смейся. Тогда, в двадцать два, это легко было. Знаешь, в нашей профессии есть место и романтике. Ты и сам это должен был почувствовать за тридцать лет практики. Ты, педиатр, разве не влюбляешься, пусть мимолетно, пусть чуть-чуть в мамочек своих маленьких пациентов. Эдакая юная мадонна. Особенно когда она кормит грудью дитя. Да и я, кардиолог, грешен, вдохновляюсь, когда приходится осматривать некую даму, прекрасную во всех отношениях. Слух обостряется. Любые сердечные шумы выслушаю.

— Ты был и остался романтиком.

— Нет. Здесь нет ничего предосудительного. Эстетическое чувство, это как врожденный дефект. Как родимое пятно. Если на видном месте, не спрячешь.

Но ты напрасно подтруниваешь надо мной. Она, конечно, мне нравилась. Евстолия... Имя-то какое. Создание неведомого нам мира. Мира Вологды и текстильной мануфактуры. О дальнейшем целомудренно умолчу. Перехожу к предмету воспоминаний.

Так вот. Недели через три после той достопамятной операции в Озерах случилась страшная гроза. Какое-то светопреставление. Гроза была днем, в воскресенье, как сейчас помню. На реке молнией убило троих молодых людей из Озер. Полагалось вскрытие. А больничка небольшая, на полтораста коек. По штату прозектор не положен. Врачи там сами вскрывали своих умерших больных. А тут сразу три трупа и — воскресенье. Случай судебно-медицинский. Кому вскрывать? Дежурил я. Работы особо не было. По известной тебе причине — хотел быть патологоанатомом — попросили меня... Да...

Обстановка была неприятная. Из окна морга мне было видно, как на улице, за больничным забором, собралась толпа, что-то выкрикивали, мне не слышно, но видно, что лица злые. Было не по себе. Но отступить некуда.

Вскрыл одного. Другого. Оба — парни лет по двадцать. Никаких следов насильственной смерти. Только признаки поражения электрическим разрядом.

Принесли третий труп. Подхожу к столу. Смотрю. Евстолия... Как живая. До сих пор очухаться не могу.

Мой однокашник пошарил рукой, не глядя, по столу, нашел банку из-под ginandtonic. Последовала долгая пауза.

— Ну, в общем, я отказался ее вскрывать. Был скандал. Говорят, Маломужу вклепили выговор. Он до самого нашего отъезда со мной не разговаривал.

Мы молча встали. Взяли еще по баночке заморского напитка в ближайшем ларьке. Других напитков не было. Молча сели за столик.

— Ну, не мог я ее вскрывать! Понимаешь?

Я все понял.

СОСЕДИ

— Посмотрите, в огороде у соседней какая-то бабенка вместе с Петровной собирает черную смородину!

Дачные участки в шесть соток друг от друга отделяет обычно загородка из сетки-рабицы. Выйдя в огород на своем участке, добрые соседи видятся каждый день, и разговоры через сетку — о рассаде, поливке, удобрениях, порой и о московских слухах — обычное явление.

— В самом деле, чужая, не наша.

— Валентин бабу себе завел.

— Пора. Сколько прошло, как его Ольга умерла? Лет десять будет.

Такой разговор случился за утренним кофе на веранде, за стеклами которой хорошо в то солнечное утро был виден участок соседней. За столом сидели хозяин дачи, мужчина лет семидесяти, Михаил, его жена Настасья и зять с их дочерью Аней.

— Симпатичная такая, ладненькая,— сказала Аня.

— Пожалуй, симпатичней будет, чем покойная Ольга.

— Много ты понимаешь в женщинах,— сказала Настасья Ивановна мужу.— Ольга была мать хорошая. И одевалась скромнее, чем эта женщина. Вырядилась на дачу. Уже не девочка, а в коротеньких штанишках...

— Шортах,— поправил зять

— ...вышла по кустам лазить.

Дачам было уже лет двадцать. За это время дети-подростки стали мужьями и женами. Кто-то из соседней, с которыми начинали осваивать полученные от производства дачные шесть соток, умер. А кто и продал свои дачи. Появились совсем незнакомые владельцы, имена-отчества которых не знали.

Старожилы знали друг про друга почти все.

Ольга, жена Валентина, умерла от тяжелой болезни почек. Весной, когда настало время приехать хлопотать по огороду и саду, Ольга с детьми, двумя девочками — пяти и одиннадцати лет, на участке не появилась.

— Умерла Ольга,— ответила Зинаида Петровна на вопрос соседей.

— Как умерла? — удивились Михаил и Настасья Ивановна.— Вроде не болела. Выглядела хорошо.

— Плохо ей стало. Вызвали «скорую», было уже поздно. Потом врачи сказали, что почки отказали.

Так муж Ольги Валентин стал вдовцом.

«Как он поведет себя — женится, откажет Зинаиде Петровне от дачи»,— гадали Михаил с Настасьей Ивановной.

Может, и сама Зинаида Петровна так думала. Но шли годы, и все оставалось по-прежнему. Теща Валентина, как и прежде, была хозяйкой по дому и по саду-огороду. Девочки росли. Отец их каждые выходные приезжал на дачу, привозил продукты. Парился в «баньке». Отдыхал с семьей.

Были ли у Валентина женщины после смерти жены, сказать трудно. В отпуск он брал младшую дочь с собой на юг, к морю. Женщин на дачу не привозил.

Валентин занимался частным извозом, и по совместительству был тренером в какой-то спортивной школе. Фигура у него была как у спортсмена. Широкоплечий, крупную голову стриг наголо. Держал спортивную форму — утро начинал с пробежки к лесу и обратно, что было километров пять. Купался в нашей небольшой речке, рядом с дачами до самого сентября, когда мы уже съезжали в город.

Для мужчины он был очень многословен. О его приезде на дачу соседи узнавали по его громким монологам, в которых он рассказывал, что случилось в городе за прошедшую неделю — как гаишники «сшибают деньгу». Подробно обсуждал с тещей огородные дела. Всегда затевал шашлык. В каждый приезд он разжигал мангал, и, если приезжал с друзьями, то его громкие монологи были слышны до поздней ночи.

Вел он себя спокойно. Только однажды разбушевался, повздорил с тещей.

— Не встал, наверное, вот и злится,— сердито объяснила соседям Зинаида Петровна. Из чего они заключили, что женщины у зятя все-таки были.

Дочери подросли. Младшая поступила в техникум. Старшая, названная Ольгой в честь матери, вышла замуж и родила сына.

Теперь летом весь день было слышно маленького. И заботливые восклицания бабушки Зинаиды и мамы Ольги. В выходные приезжал дед Валентин и отец мальчика Максим, крупный молчаливый парень.

И вот в одни из выходных появилась женщина на соседнем участке. Моложавая, стройная, модно одетая — в шортиках, маячке. Голос ее, слышный с соседнего участка, был мягок и привлекателен. За сбором ягод они с Зинаидой Петровной постоянно о чем-то говорили.

— Вот вам и Валентин,— сказал Михаил.— «Недалекий, не интересный». А вон себе какую кралю отхватил. Молодец.

— Его послушать, скукота. Примитивный мужик,— сказал зять.

— Может, она тоже одинокая. Или разведенка,— предположила Настасья Ивановна.— Сейчас женщине трудной найти хорошего мужчину. А чем Валентин плох. Видно, зарабатывает хорошо. Зинаиду Петровну уважает. Детей на ноги поставил.

— Ох, женщины,— вздохнул глава семьи.— Вам не угодишь.

Их Аня не первым браком была за теперешним мужем. Выскочила замуж рано, да быстро развелась. Потом долго не выходила. Все искала. А когда привела Игоря, тот не сразу понравился тестю и теще. Разведен, оставил двух детей. Потом к нему привыкли, но чтобы полюбили, сказать было трудно. Детей так и не родили.

После завтрака разошлись по своим делам.

К обеду собрались за столом на веранде. Женщина, вызвавшая утром интерес у соседей, сидела в шезлонге, в руках у нее была книга.

— Я, было, поздравила Зинаиду Петровну с невесткой. Оказалось, женщина эта — сватья, мать Максима, Ольгина мужа. Хорошая женщина, понравилась Зинаиде Петровне.

— А вы — «баб-е-е-нка»! Валентин — хороший мужик. «Интересный, не интересный», а своих не бросает,— сказал Михаил.

Молодые промолчали.

Николай Макаров

(г. Тула)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОЗАХ

*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

*Три козы — одна корова.
(Народная мудрость).
Коза — корова для бедных.
(Другая народная мудрость).*

Пятнадцать лет назад я с женой переехал жить в деревню. На свежий воздух, на свежую клубнику, на свежее молоко. На все свежее. На все свое.

С воздухом проблем не было. С клубникой, через пару-тройку лет, тоже проблем не стало. С молоком вышла закавыка.

Покупать у местных? Кто держит молокодающих животных: коров, кобылиц, коз, верблюдов, наконец? Или завести свою живность? Корову? Кобылу? Козу?

Покупать молоко хорошо. Не надо ухаживать за животными. Не надо вставать рано, чтобы их доить и выгонять на пастбище. Не надо готовить животным корма на зиму. Не надо, в конце концов, подыскивать им подходящую пару: быка, жеребца, козла.

Покупать молоко хорошо. Если есть на что покупать. И если у продавцов есть хорошее молоко. Не разбавленное. Не инфицированное. Без примесей навоза.

Значит?

Да, ничего не значит: еще до переезда в деревню было решено, что мы заведем свое хозяйство. Переедем. Присмотримся. И решим, кого заводить. Из молокодающих. Корову? Кобылицу? Козу?

Слониху, верблюдицу, ослиху отмели сразу по причине отсутствия в ближайших и отдаленных окрестностях наличия для них соответствующей пары: слона, верблюда, осла.

Итак.

Приехали. Пригляделись. Прикинули.

Корова?

Молока много. Вдвоем не съесть. Плюс дети, плюс внуки. Все равно не съесть. К тому же — молоко для маленьких внуков очень аллергичное, вызывает диатез. Много кормов надо. Ухода много. Сама, в конце концов, корова — большое животное. Ни в машину легковую, ни на балконе в многоэтажке не поместится. И куда навоз девать?

Кобыла?

Молока меньше. Но остальные проблемы, как и с коровой.

Коза?

Да, коза! Две козы!

Мы и купили... Вначале купили книгу по выращиванию и разведению коз. Зимой купили, до переезда в деревню. Прочитали, проштудировали, нет, не конспектировали. И все сделали по «букварю».

Только потом мы купили у дальних соседей двух месячных козочек. Двух близняшек. Нет, не близняшек — двойняшек: одна козочка была с рогами, другая козочка была без рогов. Одна — в папу, другая — в маму. Разные гены, в общем. Хотя Гена у них был один (Гена — так звали папу-козла — редкое мужское имя). У обеих сестер-козочек имя было одно на двоих. И, главное, тоже очень редкое, женское, имя — Катя (Катерина, Катрин, Катюша, Катька, Кэт и далее везде).

Вначале кормили их из бутылки с соской жидкой манной кашей. Козочки, наши Катерины, росли, бегали за нами повсюду, как собачки. Пробовали есть — и ели! — травинки, сухие веточки. Встав на задние ноги, бились лбами, как заправские турнирные бойцы. Топтали грядки, носясь кругами по огороду. Запрыгивали со всего разгона на колени. Терроризировали нашего кота Мурзика, стараясь ухватить его за уши или за хвост своими мягкими детскими губами. Стороной обходили дворнягу Тузика, инстинктивно чувствуя в нем хищника, хотя пес добродушно с житейской мудростью смотрел на проказы малышни и своим поведением не давал ни малейшего намека усомниться в своем дружелюбии.

Росли козочки. Сделали им вольер на лугу, недалеко от дома. Косили им траву. Подвешивали веники из веточек различных деревьев. В старую кастрюлю положили соль-лизунец. Приучили пить воду из ведра, отучив в одночасье от соски.

К зиме, шести месяцев от рода, наши Катерины превратились в больших умных, очень и очень хитрых, невероятно чистоплотных, все понимающих животных. Отзывались на свое имя, стремглав подбегая за сухарем ржаного хлеба или другим каким лакомством. Ели все: яблоки, кабачки, тыкву, баклажаны, репу, редьку, морковь, свеклу, капусту. Ели огурцы и помидоры: свежие и соленые (не маринованные!). Ели сливы, абрикосы, вишню, но... но косточки выплевывали. Ели арбузы и арбузные корки, дыни и дынные корки, виноград и семечки. Ели бананы и ананасы. Ели лук и чеснок. Ели хрен и ревеня. Ели подсолнечные шляпки и кукурузные початки. Ели апельсины и мандарины, кожуру от цитрусовых не ели. Ели не только ботву от всех культурных растений, но с удовольствием поедали все сорняки с огорода после прополки, вплоть до крапивы и чистотела. Что поразительно, свежесорванную хвою от елей и сосен с аппетитом хрумкали. Картошку? И картошку, и кожуру от нее давали козам только вареную. Постоянно норовили, чуть ослабишь внимание, чуть отвлечешься, слямзить что-нибудь из сада-огорода. Безрогая Катька вообще ходила на задних ногах без поддержки и опоры, подпрыгивая за высокорастущими ягодами рябины и калины, яблоками и грушами. Рогатая Катька, при случае, становилась передними ногами на спину своей сестре, чуть та зазеваается, и тоже норовила полакомиться высокими ягодами и плодами.

С питьем также проблем не было: пили подсолненную воду (особенно любили, согретую на солнце, родниковую), пили отвары после картошки, сваренной без мундира, пили отвары от красной свеклы, от риса и макарон. Но, как бы ни мучила жажда коз, они никогда не пили из луж и подозрительных водоемов.

И вдруг, с интервалом в три дня, они стали орать не человеческим, вернее — не козьим голосом. Орала и крутила хвостами, как пропеллером. Орала, прерываясь только польстившись на вкуснятину. Орала, требуя самца. Требуя козла. Орала два дня с раннего-раннего утра до позднего-позднего вечера, останавливаясь лишь на непродолжительный тревожный сон.

Можно, конечно, можно и в таком возрасте, выражаясь языком собачников, произвести вязку коз. Можно, но мы решили отложить (и «букварь» так советует) это мероприятие до следующего года.

На зиму козам накопили травы — две копенки душистого сухого сена; нарезали и засушили всевозможных веников — из березы, липы, ивы, орешника; в три десятка больших мешков набили опавших сухих осенних листьев клена, березы, рябины, липы, яблони и груши; после обрезания плодовых деревьев отдельно сложили сучья и ветки; в бане сушили принесенные из леса дикие яблоки и груши и, не пошедшие в переработку, плоды из сада; нарвали пять больших картонных коробок ягод рябины; засушили пару десятков больших пучков крапивы; в погреб сложили, выращенную на огороде, кормовую свеклу и морковь; купили три мешка овса; от расстройства желудка засушили пяток пучков кочетков конского щавеля.

За год козы выросли еще больше, стали еще хитрее, еще умнее, к посторонним относились подозрительно-враждебно. Рогатая Катька норовила всех гостей поддеть на рога (даже жена ее побаивалась, и Катька это чувствовала), Тузик от нее прятался в конуру, со своей сестрой, чуть за ними не доглядишь, устраивала корриду. Бились сестры, поднявшись на задние ноги, и с высоты больше человеческого роста обрушивались головами друг на друга. Безрогая Катька ничуть в ярости не уступала своей сестре, на соседских собак нападала первой, и те бежали от нее и подоспевшей сестры, поджав хвосты и жалобно скуля. Но Тузика безрогая Катька не обижала. В октябре, полутора лет от роду, сестры опять, с интервалом друг от друга в три дня, запросили жениха. Отвели их по очереди к соседскому козлу, который мастерски выполнил свои супружеские — получасовые — обязанности. Не бесплатно, конечно.

В марте у наших сестер родились (вернее сказать: козы окотились) дети. Рогатая Катя принесла двух: козочку и козлика. Безрогая Катя — тоже двух, но двух козляков. Обе козы окотились ровно через пять месяцев день в день (хотя бывает временной разброс в обе стороны в пару-тройку дней). У рогатой Кати мы прозевали скот — вышли рано утром, а у нее в стойле один козленок приспособляется к соску, а второго она продолжает облизывать. У безрогой Кати мы сами принимали козлят. Вернее, присутствовали при окоте, впервые наблюдая таинство появления новорожденных на Божий свет.

После старательного вылизывания, козлята норовили завладеть сосками матери, но мы быстро забрали их домой (чтобы козы сразу привыкли к доению, а не к сосанию их козлятами). Козлят посадили в старый детский сетчатый вольер и стали кормить молозивом (молозиво у коз выделяется в первые 7—10 дней после окота) из бутылки с соской. К вечеру козлята уже пытались выпрыгнуть из вольера, что на второй день проделывали беспрепятственно. Через неделю козлят перенесли в отдельный теплый хлев. Целый месяц мы кормили их молоком, с каждым днем чуть увеличивая их порцию. Со второго месяца молоко стали уменьшать и добавлять жидкую манную кашу.

Практически, после окончания кормления козлят молозивом, молоко стало оставаться и нам. Кати давали каждая по два-три литра отличного молока. Без запаха, кстати. По большому счету неприятный запах от козьего молока бывает в двух случаях: а) когда козы в одном помещении содержатся с козлом; б) когда козы (да, и коровы, и кобылицы тоже) содержатся в антисанитарных, отвратительных условиях.

С весны, когда пошли зеленые, сочные корма, козы стали давать (и это — в первый год!) до пяти — пяти с половиной литров в день. В разгар травостоя удой от каждой козы иногда превышал и шесть литров.

Куда девали молоко?

Во-первых, нет, сами мы молоко не пили — делали из молока простоквашу, делали кефир, делали творог (сыворотку после творога хорошо утоляла жажду в летний зной и хороша была вместо кваса в окрошке), делали сыр. Кстати: наш Мурзик стал лакать козье молоко — к магазинному он даже близко не подходил, изредка отведывал коровье молоко у соседей.

Во-вторых, дети и внуки не знали перебоя в свежем (иногда, парном) молоке; двухлетняя внучка через неделю напрочь забыла о диатезе. Кроме того, наши маленькие внуки и внучки души не чаяли в козлятах, постоянно играя с ними.

В-третьих, мы стали продавать соседям и дачникам излишки молока, чем в первый же год окупили все затраты: и покупку козлят (маленьких сестер Катек два года назад), и покупку овса, и покупку манки, и покупку сосок, и расчет с хозяином козла, и оплату ветеринара и... и остались еще деньжата-то.

Да, в четвертых-то, нашу месячную козочку Маняшу у нас купили: еще прибавка к пенсии.

В-пятых? В пятых, осенью у нас была полная морозилка забита молодым великолепным мясом (для чего в месячном возрасте мы кастрировали наших трех козликов). Из шкур старший сын сделал великолепные покрывала на сидения в машину.

И в-шестых имеется: козий навоз (раньше мы покупали у соседей, кто держал коров) — великолепное удобрение для нашего сада и огорода.

...На следующий год весь цикл содержания коз повторился. Правда, с незначительными изменениями:

— каждая Катя принесла по четыре козленка — поэтому излишки молока появились чуть позже;

— в летнее время удои доходили до семи литров от каждой козы;

— за молоком, творогом и сыром очередь соседей и дачников установилась за месяц (!!!) до окота;

— в очередную зиму мы оставили четыре козы (две Кати и две молодые ярки Мани), в перспективе (на следующий год) запланирована покупка элитного козла;

— урожай с огорода (который мы увеличили) и сада стал намного больше.

И главное: мы с женой перестали болеть (вернее, не болеть — мы и так болели мало), стали здоровее, более жизнеутверждающими, показывая нашим бывшим городским соседям всю прелесть здорового деревенского житья-бытья рядом с природой, рядом с Козами.

И последнее — вернее, крайнее: коза — не только корова для бедных.

Честь имею!

ПОСТСКРИПТУМ:

Пасу трех коз на лугу. Подходим к одиноко стоящей рябине. На задние ноги поднимается годовалая коза Маня и щиплет вкусные недавно распутившиеся листочки. Пытается проделать подобное и трехгодичная, через месяц ждущая козлят, коза, тоже Маня. Кое-как, вспомнив, наверняка, прошлогоднее лето, получается и у нее. Третьей к рябине подходит их мать, своенравная, с крутым характером коза Катя, семи лет от роду, также через месяц с небольшим ожидающая козлят. И если у беременной Мани максимум (по животу видно) будет два козленка, то Катин живот (как и во все предыдущие годы) явно показывает на приплод из четверых маленьких блеющих существ. Она пытается оторвать передние ноги от земли, поднимает голову и на этом ее безрезультатная попытка полакомиться вкуснятиной плачевно заканчивается.

— Ты-то куда,— комментирую ее телодвижения, с ехидцей спрашиваю у нее,— старая кляча лезешь?

Как она фыркнет, как рыкнет, как взбрыкнет задними ногами, как посмотрит на меня с укоризной.

— Ладно, не сердись, — срываю ей веточку рябины.

Мир восстановлен.

Сергей Редков
(г. Тула)

КОНЦЕРТ

Редков Сергей Александрович родился в Туле в 1978 году. В 2005 окончил Московский государственный университет культуры и искусств (МГУКИ). Литературным творчеством увлекся в 2009 году. С 2010 года — участник музейно-литературного объединения «Муза». Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), в альманахах «Иван-озеро», «Порог-АК» (Украина), «Литературная Тула», «День Тульской поэзии». В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников («Желание думать» — 2011, «Будни ироничного человека» — 2011, «Отзвуки слов» — 2012, «Клуб путешественников» — 2013, «Родное солнце» — 2014).

Оркестр, в котором я работаю, выступает сегодня в Центре социальной защиты пожилых людей. Если говорить менее официальным языком, — в доме престарелых.

Автобус с артистами, инструментами и костюмами осторожно, дабы не поломать недавно покрашенные лавочки и не раздавить ухоженные клумбы, въезжает в маленький дворик небольшого двухэтажного здания, построенного пленными немцами еще в середине прошлого века. Благодаря социальным программам и вмешательству общественных организаций, здание постоянно ремонтируется и выглядит вполне прилично. Тем не менее, у каждого, кто входит в его двери, возникает какое-то странное, тревожное чувство — осязаемое ощущение старости и одиночества, о которых люди стараются не думать в своей повседневной жизни: так спокойнее. А для тех, к кому старость и одиночество все же пришли, этот вечно ремонтируемый дом, является последним убежищем от жестокой реальности наших дней.

Для того, чтобы хоть как-то развеять гнетущую атмосферу этих стен, администрация центра постоянно приглашает артистов, поэтов и музыкантов. Наше ремесло призвано творить иллюзию радости и счастья в людских беспокойных душах. И мы готовы выполнить свой долг!

Репертуар концерта подобран грамотно и профессионально — кто-то услышит любимые мелодии своей юности, кто-то споет с оркестром почти забытые, но такие родные песни, а кто-то вспомнит молодость и пустится в пляс под озорные наигрыши балалайки и переливы баянов. Но это будет чуть позже. А сейчас музыкантам нужно подготовиться: переодеться, причесаться, расчехлить и настроить инструменты.

Мы входим в приемную, и в нос ударяет цепкий запах хлорки и вчерашнего ужина. Навстречу важно выступает сотрудник службы безопасности — ветхий старичок с добрыми глазами, но суровым выражением лица и грозно сдвинутыми к переносице бровями.

Видимо, ему часто приходится скучать на посту, так как посетителей практиче-

ски нет. Но сейчас у бабушки в камуфляжном костюме есть отличная возможность обратить на себя внимание, которого ему так не хватает в жизни, снова почувствовать свою «значимость». Он подходит к нам, и, пытаясь изобразить строгость, спрашивает нас о цели визита. Мы показываем ему инструменты, ноты, костюмы и благополучно минуем грозного стража. А затем переходим ту границу, которая отделяет нашу суетливую повседневность от особенного, хрупкого и капризного мира пожилых людей.

Мы внутри. Нас ведут на второй этаж мимо комнаты отдыха, где в углу, рядом с телевизором и огромным шахматным столом с фигурами-великанами, стоят просторные клетки с хомьями, морскими свинками и домашними кроликами. Клетки вычищены, а зверушки ухожены и сыты, потому что у многих обитателей центра еще жива потребность к заботе и состраданию, хотя бы к этим маленьким пушистым созданиям. Когда человек заботится о ком-то, он часто забывает о том, что сам нуждается в заботе.

Свернув из длинного узкого коридора, пытающегося удивить редкого гостя репродукциями известных картин, мы входим в одну из спален, где нам разрешено переодеться в концертные костюмы и привести себя в порядок. Здесь довольно тесно: шесть или семь кроватей — не успеваю рассмотреть точно, — вплотную сдвинуты друг к другу. Но жильцы не жалуются — лучше потесниться, чем быть бездомным.

Зато, какая роскошная картина открывается из окна! Вдаль, сбрасывая с себя уродливые коробки серых домов, навстречу весне убегают зеленеющие поля. Бескрайнее небо парит над чистыми крыльями белоснежных облаков. Душа наполняется знакомой, но до конца не осознанной радостью. И я понимаю, что действительно счастлив, потому что молод и могу хоть сейчас окунуться с головой в эти пьянящие просторы, убежать отсюда туда, где можно спрятаться от тех невеселых мыслей, которые рождаются только здесь. Интересно, когда смотришь на этот красивый пейзаж ежедневно в течение многих лет подряд, кажется ли он таким же прекрасным? Не хотел бы этого узнать...

Но пора спуститься вниз, к публике. В маленькой узкой столовой с белыми стенами из керамической плитки для нас сооружена импровизированная сцена. Стулья расставлены, инструменты настроены, слушатели — на своих местах. Все готово к выступлению. Дирижер делает взмах палочкой, и долгожданный концерт начинается. Здесь я вынужден прервать свой рассказ, так как именно в этом месте должен сделать три удара по большому барабану...

В одной из пьес в моих нотах стоит знак паузы, и я имею возможность лучше рассмотреть сидящих перед оркестром людей. Артист и зрители меняются местами: старики смотрят на меня, но видят лишь свои воспоминания, слышат лишь музыку своей молодости. Я же внимательно заглядываю каждому в лицо и вижу причудливое сплетение судеб. Кто эти люди? Чем они жили? Кого любили? Как попали сюда? Для них сегодняшний концерт — большое событие. Все нарядно одеты, причесаны, глаза светятся радостью и даже счастьем. Кто-то с удовольствием подпевает, а кто-то собирается в пары и танцует. И если для них сегодняшний концерт — праздник, то для нас — всего лишь обычная работа: мы просто нажимаем кнопки и дергаем струны в определенно заученном порядке. Неужели в этом и заключается то, едва уловимое чудо, которое рождает в сердцах пожилых людей такой отклик?

А кто-то из музыкантов во время сего таинства успевает еще мельком прочитать пару строк из газеты или поговорить. Вот и сейчас, литаврист, у которого тоже появилась пауза, наклоняется ко мне и шепчет:

— Видишь того типа в серых брюках и клетчатой рубашке? Да-да, этот седой, у него еще глаз дергается. Знаешь, как он сюда попал? А-а-а... Все брат, жадность...

Этот человек — бывший руководитель детского хореографического коллектива. Много лет подряд он гастролировал с ним за границей, а перед каждой поездкой собирал деньги с родителей на визы, страховки, бензин и подарки, хотя все расходы оплачивал город из своего бюджета. Так и жил обманом, пока не свершилась его давняя заветная мечта — он приобрел очень дорогой и престижный автомобиль. Но радоваться пришлось недолго — спустя месяц он попал в аварию, в которой погибла вся его семья. Его спасло лишь чудо. Но восстановиться от потрясения бедолага не смог: сначала потерял интерес к жизни, затем работу, а там и — дом родной. Так он оказался здесь. А вон тот...

Пауза у литавриста заканчивается, и он продолжает вдохновенно лупить в свои медные котлы палочками с пушистыми круглыми головками. Трам-бара-бам! Трам-бам-бам!!

А мне и не надо рассказывать о том человеке — я его знаю. Это друг моего деда; в детстве я часто бывал у него дома и слушал интересные истории из его насыщенной событиями жизни. Он всегда выглядел как человек, знающий себе цену, и эта черта сохранилась в нем и по сей день. На груди гордо красуется орденская колонка, а строгая осанка выдает в нем бывшего военного. Безупречная опрятность в одежде, взвешенность суждений и вежливость всегда являлись одним из его лучших качеств. О таких людях говорят: «Человек, достойный уважения». Но мало кто догадывается, что в детстве он был двоечником и хулиганом. Пока есть несколько тактов до моего вступления, поделюсь с вами одной историей.

Будучи школьником, чтобы избежать наказания за неуспеваемость, он научился мастерски исправлять плохие оценки и подделывать подписи школьных учителей. Гораздо позже ему пришлось еще раз применить свой «преступный» навык: он подделал почерк своего друга, и тем самым обманул женщину. Но не спешите осуждать его — своим обманом он спас ей жизнь.

Шла война. Во время боя друг получил тяжелое ранение и перед смертью попросил товарища рассказать о случившемся его невесте, медсестре из соседнего полка. Но девушка тоже была ранена, и врачи, опасаясь за ее жизнь, запретили юноше говорить ей о смерти возлюбленного.

— Ваш жених жив и здоров, — услышала она, — бьет врага и мечтает о свадьбе.

И в подтверждение своих слов юноша вручил девушке письмо со словами любви и пожеланиями скорейшего выздоровления. Подделать почерк друга не составляло особого труда, и девушка получала теплые и нежные послания до тех пор, пока раны не зажили. Я уверен, эти письма сильно помогли ей, поддержав в самые тяжелые минуты.

Да, мужчина обманул, но ни разу не пожалел об этом. После войны медсестра стала врачом и, уже, в свою очередь, спасла жизнь многим людям. Сейчас она живет в точно таком же заведении для стариков, только в другом городе. Она серьезно больна и, как опытный врач, знает, что жить осталось совсем не долго. Этой мужественной женщине, прошедшей войну и тяжелый, но полный смысла жизненный путь, не страшно умирать, потому что под подушкой у нее есть письма с подделанным почерком, которые каждый вечер признаются ей в любви близким голосом из прошлого...

Я сказал, что умирать ей не страшно, потому что очень хочу в это верить. Хотя, к чему иллюзии?

Время пролетело незаметно, и концерт подошел к концу. Хочется скорее покинуть душное помещение и сказать этому дому: «До свидания». А еще лучше: «Прощай!». Но так не бывает. Осень приходит к каждому, и неизвестно, где опадут твои листья. Кто знает, может, и меня уже ждет одинокая кровать в каморке на втором этаже.

Тогда пусть еще подождет. Складываю инструменты, переодеваюсь, и бегом на улицу. Туда, где небо, солнце, жизнь...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-наДону)

САМОХОД, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ САМОВОЛЬНОЙ ОТЛУЧКИ

Наши постоянный автор.

Федор Михайлович Ошевнев — прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар профессора В. И. Гусева, 1990-й). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России.

Автор пяти прозаических (сборники повестей и рассказов) и двух публицистических книг (все изданы в Ростове-на-Дону).

Публиковался в следующих периодических изданиях.

За рубежом: русскоязычные журналы «Edita» (Германия), «Процесс» (Чехия), «Лексикон» (США).

В центральных изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Смена», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и К⁰», «Мы».

В периферийных изданиях: «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород), «Приокские зори» (Тула), «Южнороссийский адвокат» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Веси» (Екатеринбург), «Литературный меридиан» (Приморский край), а также во многих интернет-ресурсах.

Причислен к направлению «жесточкого реализма».

Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Живет в Ростове-на-Дону, ныне полностью сосредоточен на литературной деятельности.

Самовольное оставление части или места службы на короткий срок (для проходящих военную службу по призыву — менее двух суток) на языке юриспруденции именуется самовольной отлучкой. В Вооруженных Силах РФ этот термин является единственным официальным, зато в армейском обиходе бытует немало его жаргонных синонимов — самоволка, самосвал, самоход, сочи (аббревиатура с двойным дном: как в «курортной столице» России, так и в самоволке отдыхают лишь временно), опасные гастроли, по тонкому льду, ставка больше, чем жизнь, это сладкое слово «свобода»... Список далеко не полный. Боец же, незаконно покинувший подразделение, именуется «сочинец» или «сочень».

Суровее всего за самовольную отлучку наказывали в третьем рейхе: нередко

приравняли ее к дезертирству и карали смертной казнью. В Российской Армии эти понятия разграничены, и давно. Причем самоход до двух суток хотя и считается грубым дисциплинарным проступком, влечет за собой лишь дисциплинарное взыскание, а не уголовную ответственность.

Конечно, в реальности случаи случаются всякие, неодинаково их и оценивают... Кто именно?

Начальник патруля, лейтенант

Дюбнутый он какой-то, вчерашний самоходчик. Или натурально под дурака работал — с такого, мол, и спрос меньше. И все же реально неясно: чего он в парке все на клумбу таранился? Будто впервые в жизни розы увидел... Ну, был бы еще, к примеру, с девушкой... Да куда такому лилипуту! Полтора метра с кепкой. Заверни в цветную бумагу, ленточкой блестящей перевяжи — подарок одинокой женщине ко дню Восьмого марта. Еще не всякая и примет: на маломерков-то слабый пол чаще скупно клюет.

Нет, дальновидно я сделал, что не повел бегуна в его часть, хоть она и под боком у городского сада, а напрямиком в комендатуру отволок. А ну за все дежурство никого бы больше не задержал, так комендант непременно прицепился бы: «А-а-а! От службы лыгаешь? Пронести целый наряд и не пресечь ни одного грубого нарушения? Халтурщик!»

Известно, как иные старшие офицеры в патруле нарушения добывают. Скажем, начальник кафедры иныза училища только в патруль заступит, сразу же — шашть на рынок! Усмотрит орлиным оком лейтенанта — сейчас курсант-патрульный его к полковнику подзывает. А уж тот пытается: «Почему и что здесь делаете в рабочее время?» Два капитана навстречу друг другу прошли и воинскую честь не отдали: «Кто дал право игнорировать устав?» Майор с женой идет, хозяйственную сумку в руках тащит: «А на каком это основании вы нарушаете форму одежды?» И всех живо на карандаш...

К тому же прямо у входных ворот рынка — пивная-пельменная. Не проходите мимо: за день столько офицеров и прапорщиков «за употреблением спиртных напитков», пусть и не в рабочее время, но в форме попадет. Почет и уважение герою-полковнику!

Не-е, с моими погонами нарушения на рынке коллекционировать ранг не вышел. Так что спасибо сочинцу за непустой наряд. А нарушил воинскую дисциплину — отвечай по всей строгости. На то она и армия...

Командир отделения, ефрейтор

Вот же накошмарил, урод! А трендюлей от взводного и мне душевно отжучилось. Конечно, замку еще хлеще прописали — ну, на то он и сержант, изволь погоны свои унтерские туго отрабатывать. Но мне-то на фига сдались эти говенные лычки-сопли? Через них и кликуха: лычконосец. Получка — как и у рядового, смех сквозь слезы, зато спрос за любой вопрос. Да еще какая-то сволочь изобрела: ефрейтор в авиации — что хрен в канализации!

Главный напряг же, что и я, и ребята с «отдела» — одного призыва. Рули, комод, да бди... как бы семеро — или больше — подчиненных козлов тебя — ну никак не волка — на три буквы не послали. Не жизнь — малина: хлопот полон рот, а закусить нечем.

А почему прошаренный сочень за забор лыжи навострил — элементарно. Граж-

данского воздуха глотнуть захотелось. Э-э, да разве объяснишь это тупорылому начальству, которое каждый вечер дома кайфует! Только, с другой стороны, если тебе увольнение и обломали, это еще не резон, чтоб вот так, внаглую, среди дня, и через забор: ведь не скопытился же у тебя никто.

Мне, может, не закованной в уставы житухи тоже умереть и не встать, как хочется. Однако, если каждый начнет по собственному желанию через забор сигать, какая ж это будет армия?

Заместитель командира взвода, сержант

Тоже мне, джентльмен удачи долбаный, твою мать! Закон «не уверен — не обгоняй», он и для самоходов справедлив. Рановаты они тебе по сроку службы. Вот станешь сержантом — тогда и выходи в сочи прямо через КПП: там же свой брат-сержант службу правит. Я в наряд заступлю — его, в свой черед, прикрою. Да не быть тебе замком, слюнтяй, карлик пупочный, каракатица, чтоб тебе всю жизнь на срочке за пайку кирзухи прокантоваться!

Ладно, за педерастическое облаивание от ротного я на тебе сполна отыграюсь. Как только в подразделении обозначишься, так сразу фанеру* к осмотру предъявишь, потом человеком-амфибией в противогазе поплаваешь, на прокачке** сдохнешь, а на закусь — в долину белого жемчуга, на очковую интеллигентную работу. Чтoб в поте лица, зубной щеточкой и с песочком унитаза облагородил. Вот в сортире сочень и поразмыслит о необходимости соблюдения воинской дисциплины. И о роли сержантов в армии.

Командир взвода, старший лейтенант

Ох и перец, ох и подкинул подарочек! А на вид — тихий-смирный-незаметный. Да-а... Все они хороши, пока спят зубами к стенке, а на деле, куда мурло без паспорта ни целуй, у него везде сплошная чугунная задница.

Вот тебе и выехал в кои-то веки, в выходной, с семьей на природу. Зато в понедельник с утра — заполучи, старлей, на всю глубину! Ротный так орал — чуть слюной не подавился. И «где ты потерялся», и «почему посыльный три раза впустую бегал», и «ты хотя бы в курсе, что в твоём взводе «чепе»? Нет? А после упоротого косяка за получкой к финику явиться совести хватит? Лентяй всемирного масштаба! Короед на теле армии!»

Ну, тут, конечно, майор через край хватил. Обидно. На взводе и со взводом едва не спишь, а стоит только где ма-аленький прокол допустить — затыкай уши от воплей своры шишкатуры, а то и тащи служебную карточку, где командирское перо моментом впиндюрит очередную «благодарность».

А-а... Работа с людьми — это с л ю д ь м и работа: успевай только, поворачивайся. Тем паче, если сержант у тебя мамонтыра и это чуть ли не единственное его достоинство. Поневоле до печенок прочувствуешь мудрость поговорки: «Лучше тридцатью сейфами командовать, чем одним рядовым». Точно, сейф — он в самоволку не убежит. Не то что это мелкое и бесцветное туловище. Правильно командир его на «губу» законопатил, а выйдет — я самолично оставшуюся дурь из сочинца своими методами повыбью. В конце концов, это вам не школа, где нерадивых на второй год

* По команде «Фанеру к осмотру!» дух выпячивает грудь и докладывает: «Фанера трехслойная, бронейная, 93-го года выпуска (год рождения) к осмотру готова!» Дед наносит сильный удар в грудь, а салага, отдышавшись, докладывает: «Дым рассеялся, откат нормальный, гильза упала в ящик!»

** Прокачка — бессмысленное занятие спортом до физического изнеможения.

оставляют. И вообще: сердобольные мамы пусть дома сидят, а здесь по полной программе свой священный долг Родине отдай — не грехи! Это вам не английский колледж для джентльменов, а армия!

Замполит роты, капитан

Вот и заработали уже мы в этом месяце грубое нарушение воинской дисциплины. С кого спрос? Конечно, с командира взвода — в первую очередь, это его подчиненный. Уж потом с меня и ротного. Нет, зря он солдата так оперативно на гауптвахту оформил. Мальчишка он, школьник даже по виду, и служит-то всего ничего. Недоучили мы его, а вернее — не научили почти ничему.

А учить следует, но только не как в иной школе на начальной военной подготовке. Там, бывает, что военрук сам хорошо знает, то без меры и навязывает: кто радиосхемы во всю доску, кто на строевой подготовке зациклен, а кто учебный автомат АКМ до посинения разбирать-собирать заставляет. Нет чтобы хоть раз в класс пару берц и портянки принести да на деле показать, как эти портянки правильно следует наматывать. Результат на ногах проявляется, когда вчерашние школьники становятся сегодняшними новобранцами: многие быстро натирают на пальцах и пятках кровавые мозоли.

Задуматься, так разве всякая семья сына к армии правильно готовит? Чаше папа с мамой службой пугают, как тюрьмой. Мол, там узнаешь, почему фунт лиха! Там тебя человеком сделают. Как будто до призыва глупое животное растили.

Про тех родителей, которые свое чадо за наличные или по праву власти имущих от срочной службы отмазали, и вовсе говорить не хочу. Ругают вот застойные брежневские времена, а тогда уклонистов единицы были, ныне же пачками от повестки хиляют...

Ну, это разговор отдельный, а возвращаясь к нашим баранам, приходится признать, что детально про службу в армии допризывники больше с улицы узнают. Так же, как и про всякие подробности на половую тему, и столь же извращенно. И почему-то про нынешнюю армию — а не времен Великой Отечественной — порой в школе говорить стесняются. Куда там, чтобы встречу с солдатом, пришедшим в отпуск, в его альма-матер организовать. Малопрактикуемо, хотя вчерашнего приятеля — сегодняшнего воина старшеклассники наверняка слушали бы, не поглядывая лениво в окно и на часы.

Н-да-а... Проглядел-таки я самоходчика... В чем, где, как? Родители у него имеются: отец и мачеха. Последняя, конечно, не родная мать, но все же какая-никакая, а полная семья. Письма от них боец регулярно получает, жалоб или просьб от него никогда не поступало. Еще и рост маленький тоже как-то располагает к жалости, к сочувствию. Ведь природой уже, считай, обделен.

Ага, досочувствовался. Главного в человеке не увидел. Червоточки. Ну, ничего, после выхода сочинца с гауптвахты займусь им вплотную. Только на принудметоды не скатиться — такой солдат запросто сломаться может, морально и физически, бобром стать.

Самоволка — это бич, а бобры — позор для армии...

Командир роты, майор

Пропал выходной, пропал ни за хрен собачий. Надо же: только всей семьей сели за обед — и даже первое дохлебать не успел! Чертов сочень, вместе с его зажавшимся Ванькой-взводным, который на весь день рассосался, а домашним заместите-

лем — амбарный замок на входной двери. И ведь даже записки, шланг гофрированный, не оставил, где его в случае чего искать, а уж тем более в роту не отзвонился.

Пришлось самому спалившегося лыжника из комендатуры забирать — недovesок оказался и какой-то пришибленный. Ума, конечно, втулил на полную катушку — цацкаться, что ли? И назад, на губу, губошлепа — завтра же, через военный суд, на трое суток! Плевать, что замполиту это не в нюх. Я в роте хозяин! Ничего, оттянет «отпускник за свой счет» мелкий срок — и ему, и другим буратинам наука на перспективу будет. Мы, хоть и часть гуманного отчасти общества, а все-таки армия.

Командир батальона, подполковник

Подумаешь, краткосрочная самовольная отлучка! Удивили ежа выхлопной трубой. Главное — без тяжких последствий. Да и вообще: в масштабе части, в сравнении с недавними «неуставными» с групповым рукоприкладством, с объемной недостаточей на продскладе и близящейся итоговой проверкой — тьфу, смехотворная мелочь. Наплевать и забыть. Нет, понятно, каждой сестре — по серьге, а сочинцу трое суток, аз воздам. И совершенно законно — это армия...

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Трое суток на «губе» на четвертом месяце службы — это совсем не хило. Однако не бог весть какой срок, а вот потом сержант-урод-мордovorот с живого на постоянку не слезет, всякими умираловками задрючит. И Ванька-взводный тоже. Строевой подготовкой — хождением по мукам — загоняет до полусмерти, плюс в долине белого жемчуга вечно шуршать буду. Еще и замполит со своими воспитательными речами не отлипнет: как подумаешь — аж мутит.

Но то еще будет когда-то, а сейчас... Серое здание комендатуры — все равно как тюрьма. Решетки на окнах, кругом караульные с автоматами и все такое прочее. В камере я один, так что времени подумать над случившимся предостаточно. Это не в роте — едва распустят на перерыв, не успеешь на «очко» плотно уместиться, уже орут: «Стройца-а-а!»

Где ты, гражданка, далекая, как Полярная звезда?

Мерзопакостнейшая штука — срочная служба. Ведь только когда надолго оторвут от родных мест и друзей да законопатят в пятнистое хебе, да истребуют клятву бесплатно работать — то бишь, присягу, будто с другой стороны доармейскую жизнь увидишь. Там — свобода, хотя, конечно, тоже за рубли-червонцы вкалывать надо, только это совсем другое. В учебке-то — яслях для взрослых — надо мной большая куча вредоносных начальников, и даже небо над военным городком какое-то вечно пасмурное.

Один луч в этом серо-зеленом царстве уставов: увольнение. Я в нем никогда еще за все три с половиной месяца службы не был — все не везло! — и как в это воскресенье попасть надеялся! А то у нас всяк выходной: что ни праздник, то спортивный, что ни отдых, то активный. Но тут опять душевно серпом по причинному месту шархнули: в городе, мол, началась эпидемия гриппа, значит, все увалы на корню запретить. Какая тут армейская справедливость, когда тебе вместо натурально приятного — обманно полезное, озвученное пастью сволочного замка: «А ну, затупок, мигом метнулся белить бордюры за вещскладом!» Еще и леца для порядка отвесил.

Будет кто после такого кидалова и озадачивания рьяно работать? Да гриб вам отсосинович с двух рук, разлюбезные начальники!

Ну, окунал я нехотя щетку в тазик с известковым раствором, ну, этой самой щет-

кой не спеша по проклятому бордюру водил. Ну, сержант-скотобаза ко мне пару раз подгонять совался, а потом слинял с концами. Курить или с библиотечаршой молодой лясы точить — пират двадцать первого века давно на нее облизывается, только хрен ему по всей морде — и размазать жидко-жидко...

Шпынять меня стало некому. Впрочем, работа кое-как, но шла. И тут за каменным забором раздался девичий смех... потом еще... Любопытство не порок, и как раз на глаза носилки с набитым на них ящиком попались. Наумничал какой-то гад, чтоб груза чуть не тонна влазила, и не зря неизвестный приколист сбоку ящика краской наваял: «КАМАЗ».

Приткнул я «КАМАЗ» к забору, на ящик изловчился-взгромоздился, подтянулся с него потом — и вот она, милая сердцу гражданка, от которой и отделяет только прохладная стена из пиленого ракушечника. И три девчонки под ней стоят, ни об чем трепяты и ржут вовсю. Самая глазастая деваха — жирафина-плоскодонка — усмотрела мою стриженую голову в кепке-пиксельке и ну выпендриваться:

— Эй, красавец — с ударением на последнем слоге, — дай картуз померить!

Вторая бикса, приземистая, с кормой — хрен вдвоем обхватишь — первой, с ядом в голосе, в ответ:

— Ты что? Разве ж деточке можно на улицу без разрешения? А картузец бросить тоже слабо: он государственный, а ты с ним вдруг сбежишь — его и расстреляют!

Как я со зла перевалялся через двухметровый забор — у нас его обзывают границей, не знающей покоя, — даже и не помню. Кожу на мизинце о шершавый камень ободрал и еле на ногах устоял.

— На! — И протянул ядогласой девчонке за малым не свалившуюся с головы, пока приступом преграду брал, пятнистую кепку.

Но гадюка ее не взяла, а тут же накуксилась:

— Вот же дурак! Шуток не понимает... Девочки, пошли отсюда!

И три лошадушки рванули от меня вдоль стены. Только все время молчавшая третья — густо накосметиченная и с хвостатым причесоном — на ходу обернулась и, так же молча, крутанула пальцем у виска.

Суки рваные! По штыку бы вам всем пониже спины, по красному знамени в руки — и на строевой плац, маршировать до потери давно потерянной девственности!

Повернулся я носом к забору, потом подпрыгнул — нет, не получается за его верх уцепиться: рост-то у меня не фонтан. Прохожего тоже не попросишь: «Дяденька, посади!» Я хмуро огляделся — хорошо, офицеров и прапорщиков в пределах видимости не наблюдалось — и пошел по улице, надеясь какую-нибудь подставку найти.

Шагал, и все мне вокруг нравилось. Дома, непохожие на поносного цвета склады. Автомобили разноцветные — а у нас кругом зеленые «Уралы» да «ЗИЛы». Даже надписи на стенах и заборах здесь были вовсе не однотипные, как в военном городке — от табуреток до постовой вышки сплошь: «Дембель!» или «ДМБ», а лирические, типа «В+И=ЛЮБОВЬ» либо разоблачительные: «Петька — лох вонючий!», «Серый — наркоша-козелман!»

За тыльной границей части, у фонарного столба с прибитой фанерной табличкой и предупредительной надписью: «За свалку мусора — штраф!» — мозолила глаза огромная куча отбросов с полуразбитым деревянным ящиком наверху: как раз то, что мне и было надо. И тут, всего лишь через дорогу, обозначился вход в городской парк. Ноги сами понесли меня к узорчатым металлическим воротам. Ладно: семь бед — один ответ.

Прогулялся я малость по центральной аллее. Поглазел на девах, в мини-юбках по самые трусики дефилирующих, а иных взглядом подраздел. Имелось на что полюбоваться: тугие попки, сытые запазухи, у некоторых особо породистых ножки от ушей.

В парке было полно аттракционов: колесо обозрения, всякие качели-карусели. Дешевка, но и на нее бакситок — ни копя. Старшина, сундук ненасытный, в этом месяце полполучки на утюги, крем для берц и еще на какую-то хренотень отобрал. Остаток мизерный давно в чайной добросовестно проеден.

Нежданно-негаданно за виражными самолетами обнаружилась огромная клумба. Розы... Любимые цветы моей матери, выросшей в детдоме. Она рассказывала, там целую оранжерею держали: наверное, начальство сильно увлекалось, с помощью воспитанников.

Копаться в земле матери нравилось. Но она еще и собирала открытки, всякие цветные картинки и статьи именно про розы. Уже после замужества сумела раздобыть огромный том: «Комнатное садоводство». Кое-что мне из него, попеременно со сказками, даже зачитывала. А сколько себя помню, у нас под балконом, на газоне, всегда росли сорта четыре или пять так называемых плетистых роз — благодаря маме.

Когда я пошел в школу, она постаралась приохотить и меня к уходу за нежными цветами: хлопот с ними было много. Поливать и подвязывать на опоры плети. Опрыскивать и подкармливать торфом или известью. Регулярно обрезать, отчего они лучше, обильнее цвели. Ранней осенью прищипывать побеги, то есть удалять с них по два-три верхних листа, а часть старых стеблей вырезать. И еще на зиму требовалось окучивать основания, главное же — обязательно снимать плети с опор, укутывая сначала сахарными мешками, и поверх — лутрасилом: это такой специальный материал. Чтобы, наконец, крепко прищипить плотно укрытые кусты к земле. Не сказал бы, что все это мне особенно нравилось, но постепенно, за несколько лет, я привык помогать маме в ее «розовых» трудах.

А однажды, в самом начале седьмого класса, я быстренько сделал уроки и вышел погулять во двор. Вдруг вижу, какой-то мордатый кавалер со своей биксой всерьез нацелились поживиться материной гордостью. Мордатый уже и ножик перочинный достал, и тонким пуловером левую руку обернул, чтобы на шипы роз не напороться. И давай пристраиваться к самому высокому и красивому кусту. Ах ты, гад сволочной!

— Не тронь, не твое! — громко предупредил я.

Мордатый сгорбился, втянул голову в плечи и испуганно оглянулся. Однако, не увидев, кроме меня, никого рядом — бабушки на лавочке в отдалении не в счет, — распрямился, презрительно плюнул и снисходительно пригрозил:

— Быстро sprыснул отсюда, щенок! А то поймаю и одним шалабаном по стенке размажу! Инфузория!

— Сам козел! — не остался я в долгу.

— Чего-о? — уже со злостью протянул мордатый. — Ну, погоди, гниденыш! — И неспешно двинулся в мою сторону.

Я отбежал поближе к лавочкам с бабушками и удачно выглядел два остроугольных увесистых камня. Живо поднял их и заявил:

— Подойдешь ближе — запушу в табло: оно у тебя большое, хрен промажешь. А потом буду орать — мало не покажется! И еще скажу, что ты ко мне приставал, трахнуть хотел!

— Я тебя умоляю: пошли отсюда, — позвала кавалера бикса, почуяв возможные неприятности.

— Счас, вот только эту наглую козявку прихлопну... — скривился мордатый и не очень решительно пошел на сближение.

— А-а-а! — не отступая, взвыл я, чем привлек внимание старушек.

— Вы что это ребенка обижаете? — донеслось с их лавочки.

И тут как-то незаметно подошел сосед дядя Паша с третьего этажа — невысокий, но плотный мужик лет сорока, с продуктовой сумкой в руках. Работал он таксистом.

— Чего орешь, словно клаксон? Пошто кирпичами вооружился? Какие проблемы? — поинтересовался он.

— Дядя Паша! Они наши розы хотят украсть! Вон, этот уже и ножик достал: стебли резать! А меня щенком и наглой козьявкой обозвал и прихлопнуть грозился! — почувствовав поддержку, нажаловался я.

— Слышь, халявщики! А не пойти ли обоим на три буквы? — без лишних въездов предложил сосед. — Пока я с вас штаны не спустил да подходящей хворостинной задницы не исполосовал. Что за угрозы пацану?

— Я те сам вперед нахлещу, — неуверенно возразил мордатый, а бикса опять потянула его за рукав: мол, да пошли же, от греха...

— Малец, а ну-ка поддержи сумку, — велел дядя Паша. Снял пиджак, тоже сунул его мне и молодецки начал подсучивать рукава полосатой рубахи. — Это мы враз проверим, кто кого... Да перо убери, пока я его в ту же задницу не воткнул! — И решительно шагнул вперед. — Ну что, стакнемся раз на раз?

Мордатый со своей дамочкой резво убралась со двора, причем кавалер, уходя, бормотал себе под нос что-то вроде: «Ничего, в другорядь еще встретимся!»

А в этот момент и мама появилась, с работы пришла.

— Правильный хлопчик у тебя растет, — похвалил меня сосед. — Боевой. Цветник твой от вора взрослого отстоял. Хоть и мал, а смел.

Мать счастливо зарделась. Поблагодарила за добрые слова, отвела меня домой, вкусо накормила и дала денег на кино и мороженое.

Только вот когда я вечером историю про мордатого отцу торжествующе рассказал, то у него реакция оказалась совершенно иная.

— На кой кукиш они вообще кому нужны, ваши колючки, — лениво отцедил он с дивана, зевнул и почесался под мышкой. — Толку от них, как от треснувшей бутылки: даже не сдась, зато возни... Ну, это ваши с матерью проблемы...

Потом папаша с наслаждением ковырнул в носу, без стеснения пустил вонючего голубка и заорал, адресуясь на кухню:

— Ну, что там в плане пожрать? А может, для аппетита, и сто грамм добытчику нальешь?

...Не понимаю, как моя мама — красивая, работающая, добрая, общительная — и за такого уroda вышла... Может, ради жилья? Ей-то самой оно после детдома вовсе не светило, а вот у отца от рано умерших родителей «двушка» неплохая осталась...

Вот какие перед клумбой в парке на меня воспоминания нахлынули. А еще я там кое-что и из «Комнатного садоводства» припомнил. Скажем, что среди всяких растений розы — одни из самых наиболее полезных. Кругом используются: при производстве вина, духов, лекарств и даже как добавка в чай... Аромата — наитончайшего, да и по изяществу формы и окраски не имеют себе равных. Им даже в ботанике особый раздел выделен: родология.

На клумбе произрастало несколько сортов из семейства плетистых: это я сразу угадал. Белые и абрикосового цвета, темно-красные и огненно-красные. Любуясь же на самые красивые — лимонно-желтые, бокаловидной формы махровые цветы, крупные, на кустах выше моего роста и с большими темно-зелеными листьями, — я вдруг чудесным образом вспомнил название этого сорта: «Казино».

Эх-х! До того тоскливо на душе стало — хоть воем вой, хоть в петлю. Где оно, давно ушедшее счастливое раннее детство? Мама, мама, мамочка моя, любимая... Увижу ли я тебя еще, после в с е г о, в мире ином? Никто не знает...

А тут еще предстоит назад, в обрыдлую часть, переться. «Горит огнями родной завод — а нам-то что: катись он в рот!»

Проиграл я в этом «казино» свою партию вчистую. Прямо у клумбы военный

патруль меня пригреб: лейтенант и два курсанта. Шакалы! Приволокли в комендатуру, обшмонали. Забрали военный билет, ремень поясной, кепку, даже носовой платок — уж он-то кому помешал, а вдруг меня на нарах чих одолеет? — и шагом марш в неудобную, пахнущую пылью камеру! Через час или два — будильника там нет — явился ротный и меня забрал. Наорал тут же круто и в часть повел.

Большие железные ворота КПП, не знаю почему, резко вызвали во мне чувство отчаяния. Может, потому, как чем-то они были сродни той же двери в камеру? И ни один разговор потом с ненавидимыми начальниками не произвел впечатления сильнее, чем эти приближающиеся серые постылые ворота, столь подробно известные мне изнутри. Да и разговоры-то все были на единую колодку, как новобранцы, вышедшие из бани и впервые обряженные в форму. Прямоугольно-правильные. Скучно-воспитательные. Безвкусные.

Интересно, а почему это и на гражданке, и в армии с человеком начинают лихо-радошно работать только уже после произошедшего «чепе», но никак не до него?

Чего уж там темнить — к службе я был просто не готов. Теперь-то точно ясно: читай там или какое хваленое кино про армию смотри — все одно: пока сам в этот кипящий котел не попадешь, до конца вкуса всей кухни не распробуешь. В книгах-то и фильмах, если и найдется на втором плане разгильдяйский солдат, к концу чтива или ленты такой однозначно перевоспитывается, а ребята отслужившие и про дедовщину в красках рассказывали, и про другие героически-неуставные дела.

Врали и они. Но куда меньше, чем сериалы. А книжки про сегодняшнюю непобедимую и легендарную — вообще сплошная брехология. Я их, правда, про эту страну чудес и встречал-то негусто. Зато четко помню: нигде не проскользнуло и строки о том, что, например, в армии командир может тебе приказать исполнить все, на что его фантазия сработает,— хоть в голую задницу себя чмокнуть, а ты... Пожалуйста, жалуйся. Но только после строгого и точного исполнения приказа. Главное же — в военной системе по-иному нельзя: ведь если каждый солдат вдруг да вместо исполнения конкретно порученного в приказном порядке дела начнет его теоретически обсасывать, развалится просто армия.

Никому не рассказанная биография рядового-самоходчика

Родился я в маленьком райцентре под Москвой. Там и жил до учебы в ПТУ. Мать работала на мясокомбинате, в коптильном цехе. Приворовывала малость — как все. А отец был слесарь-сборщик в автосервисе. Тоже ловчил-левачил, но покруче. Со временем приучился и полюбил без меры пить. Бывало, бушевал с пьяных глаз, так мы с матерью уходили ночевать к соседке.

Когда я еще учился в седьмом классе, мать легла в больницу — я тогда не уточнял, зачем и почему. Через несколько дней, бледная, вернулась домой. А вечером заявился пьяный в дупель папаша. Пожрал чего-то на кухне — и к матери в комнату юрк, а там начал орать и чего-то требовать, только непонятно было, чего именно. Мать еле слышно плакала, я в своей комнате тоже, а дверь к родителям была закрыта.

Утром «ненаглядный» предок, проспавшись, свалил на работу, а мать позвала меня и попросила сходить за соседкой. Простыня под мамой была вся в крови, и говорила она еле-еле. Я очень испугался, что мать так кровью подплыла, заревел, но к соседке сбегал. Она тут же вызвала «скорую», а мне сунула бутербродов и быстро в школу выпроводила — я еле успел чаю выпить.

В конце занятий ко мне подошла классная руководительница и сказала, что я должен крепиться, потому что моя мама умерла, и повела к себе ночевать. Я не хотел верить, плакал...

Позже узнал, что мать, оказывается, пришла после аборта, а отец взял ее силой, и за ночь потом она потеряла столько крови, что в райбольнице не спасли. Не знаю как, но от тюрьмы отец отвертелся. Пить стал еще хлеще, часто меня бил, и я убегал все к той же соседке. Так шло до лета после восьмого класса.

И вот в июне батянька пришел домой непривычно трезвым и начал втирать мне мозги про новую маму, то бишь мачеху. Я рассудил, что родную мать уже не вернешь, а так отец, может, хоть пить бросит. Словом, не возражал, чтобы мачеха к нам жить перешла. Только вышло еще хуже: явилась в дом мурластая двуспальная тварь с рыжими кудряшками и картошечным носом, и они на пару с предком лакать стали.

Своих детей у этой суки не было, а меня она сразу возненавидела. Люто. Из дома гнала чаще, чем отец. К соседке сердобольной мне неудобно было постоянно проситься ночевать — она меня называла «сиротой при живом отце» и никогда не отказывала в койке и какой-нибудь еде по утрам, но теперь я уже понимал, что одинокой женщине обуза. Старался ночевать по-теплому в шалаше у реки, а зимой в котельной, где через сутки старик один компанейский кочегарил. Вечерами же слонялся по городу, завел новых дружков, повзрослее и поагрессивнее. Хотя они надо мной за мелкий рост постоянно измывались, но от других, не из нашей компании, защищали и как-то незаметно выучили драться, и даже неплохо. Особенно четко я два подлых удара освоил. В общем, я еле-еле окончил девятилетку, можно сказать, из милости классной.

До сих пор не пойму, как при таком раскладе ни разу не залетел на горячем в ментовку. А ведь было за что, и не раз!

Отца к тому времени, по инициативе все той же классной, хотели лишить родительских прав, но опять пожалели — он клялся и божился, что «изменит образ жизни», а сам все жрал и жрал водяру литрами. Автосервис папаньке давно дал пинка, но он сумел пристроиться в бригаду грузчиков на мясокомбинат — помогли материны связи.

Я хотел пойти учиться в ПТУ в нашем городке. Но педерастка-мачеха отвезла мои документы в другое училище — в соседнем райцентре за пятьдесят километров. Так меня совсем почти выгнали из квартиры в пятнадцать лет и материально практически не помогали. А на хрена?

Делать нечего, стал через пень-колоду учиться и жить в общежитии, а вечерами подрабатывал, разнося телеграммы. За всякие поздравительные весточки адресаты меня иной раз оделяли деньгами: бывало, червонцем, а бывало — ну, это сильно изредка — и целой сотней. Пару раз даже за праздничный стол усаживали: у одной бизнес-мадам на юбилей я бутербродами с икрой и балыками чуть не до блевотины обожрался...

Все бы ничего, но четверо старшекурсников повадились ходить по комнатам и отбирать стипендию и родительские или какие другие деньги у тех, кто послабее. Я же был на курсе самым маленьким и понимал, что со всеми сразу никак не сдюжу. Вот если бы один на один... Но они каждый раз вваливались толпой.

Когда эти гады у меня в первый и последний раз стипендию вытрясли, я, в натуре, несколько дней ходил полуголодным, одалживаясь на пирожок. И как назло в те дни за хорошую телеграмму кто бы хоть рублишко сунул — так нет! Хорошо еще, аванс на почте скоро получил.

Деньги я теперь стал прятать вне комнаты. Кодла меня не раз била, потому что не могла выискать в карманах, койке или тумбочке даже мелочи, а жратвы я, в отличие от других, на вечер не запасал. Старался питаться в сравнительно дешевой столовке, она единственная поблизости работала допоздна. Старшекурсники злились, что я постоянно пустой, колотили меня нещадно, даже головой об стенку, и, наконец, забрали хороший теплый свитер, который мне незадолго до смерти связала на вырост мать.

После такого наглого грабежа меня, можно сказать, переклинило: в общаге это была единственная вещь, напрямую связывавшая меня с покойной мамой. И тогда я съездил домой и через одного друга разжился кнопочным ножом-выкидушкой.

Когда когдла старшекурсников в очередной раз завалила к нам в комнату, я молча бросился в атаку, чего никто из них никак не ожидал.

Самого здорового и тупого вырубил первым, четко вметелив ему носком кроссовки в пах, и он тут же скрючился на полу в позе эмбриона, глухо подвывая. Второму я кинжальным ударом прямыми пальцами руки глубоко пробил селезенку, и сволочуга сложился пополам. Помогли когда-то заученные приемчики!

Тут на меня наконец-то кинулся вышедший из ступора вожак, попытался врезать прямым в челюсть. Однако я уже выхватил отточенную выкидушку и разом удачно располосовал врагу рубаху и руку от локтя до кисти. От боли и страха он завизжал, как поросенок. Прижал к груди раскрашенную клешню, обхватив ее здоровой рукой, и все пытался стиснуть рану, из которой просачивались и тяжело падали на пол алые капли.

А четвертый грабитель трусливо слинял, стоило мне только пригрозить ему испачканным в крови ножом.

Под мои угрожающие крики: «На хрен отсюда, пока всех как цыплят не перерезал!» — здоровяк с отбитым пахом уползал из комнаты на карачках. Селезеночник, пошатываясь, выбрел в коридор на своих двоих, охая и обе руки не отнимая от живота. А вот вожаку я дальше учинил форменную правилку. Для начала подножкой свалил его на пол и запер дверь изнутри на ключ: так спокойнее будет. Потом же, зайдя сзади, приподнял врага под мышки и подхватил лезвием под подбородок, с ненавистью предупредив:

— Не вернешь свитер, урод — выловлю в темном уголке и от уха до уха глотку распорю! Врубился, чмо вонючее?

— Д-д-да...— еле выдохнул он.

— Теперь сымай рубаху,— скомандовал я.

— 3-з-зачем?

— Еще один глупый вопрос — и ты труп! — зловеще пообещал я и отвел лезвие ножа от его горла.

Стоя на коленях и морщась от боли, он неловко расстегнул и стянул с себя теплую сорочку. Я тут же надрезал ее снизу и разорвал на две почти равные половины.

— Держи! — швырнул куски ткани в наглую морду.— Одним пол от крови подотрешь, другим руку обмотаешь. Ну, шевелись, лохушник!

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Похоже, за тебя волнуются,— усмехнулся я.— Вякни, что все нормально, что сейчас выйдешь, да погромче! — и для понятливости покрутил выкидушкой перед трясающейся от страха потной мордой.— Не слышу, подлюка!

Вожак судорожно сглотнул и осипше, но в голос прохрипел:

— Все зашибись, парни! Подождите, я скоро...

И усердно принялся размазывать по полу собственную кровь, в то время как из перетянутого длинного пореза она еще продолжала слабо сочиться, выступая поверх рубашечной повязки.

— Достаточно! — через минуту презрительно скомандовал я.— Теперь пшел вон, мразь! И про свитер — помни!!!

Для вящей убедительности опять сунул выкидушку под нос врагу. В глазах его метался и бился животный страх.

Когда вожак наконец с трудом поднялся на ноги, я с омерзением отметил, что он обмочился. Отперев дверь ключом, скомандовал:

— Открывай! Тут лакеев нет!

А сам, выбрав удобную позицию с тылу, дождался, когда гад отворит дверь — в коридоре видны были перепуганные лица его подельников по грабёжам,— и что есть силы вмочил ему сильнейшего пинка в промежность, перебив дыхание. Не дожидаясь, пока он упадет сам, тут же вытолкнул из комнаты. Вожак распластался на полу: с открытым хлеборезником, скорчившись, не в силах вздохнуть. Добил я его фразой:

— В следующий раз ты у меня еще и обгадишься!

И захлопнул дверь.

Трое моих соседей по комнате за все время победного сражения так и не подписались помочь: со страхом, молча, жались по углам. Потом даже еще норовили предьяву кинуть: мол, напрасно ты так, да еще и с ножом... Позднее, значит, нам всем хуже будет, они этого так просто не оставят...

Сопляки! Бабы! Трусы позорные!

Ту ночь я почти не спал, а дремал, полусидя на постели с вытертым от крови ножом в ладони: боялся повторного визита банды. Однако грабители явно перетруснули.

Наутро парень из соседней группы принес мой свитер и сказал, что ему велено передать: меня все равно отловят и пришибут, уроют, все кости переломают. Я ответил: всегда готов, встречусь с радостью.

Отлавливать — кишка тонка — козлы меня пока не стали, зато настучали как-то хитро мастеру про выкидушку. Он меня завел в свой кабинет, приказал вывернуть карманы, нож нашел, отобрал, прочел нудную нотацию и тоже настучал: в ментуру. Так меня поставили в райотделе на учет и попытались вызвать родителей, только хрен они приехали. Но вот я испугался — конечно, не этого дурацкого учета, а как жить дальше в общаге, если и защититься нечем от сучьих рэкетиров. Ведь сволочи меня пару раз перед ней уже пытались подстеречь — хорошо, однокурсники вовремя предупреджали. Точно когда-то отловят и... Да, в стремный наворот влип...

Экспериментировать: «а вдруг, да не попадусь», совсем не хотелось. И я стал ночевать в теплых подвалах, а иногда уезжал домой на электричке, пропуская назавтра первую пару занятий. И ведь всем на мое бедственное положение было плевать с высокой горки! А в квартиру меня мачеха теперь вовсе не пускала, отец же совсем спился.

Очень скоро соседка, к которой я иногда стучался, прикатив в родной городок — от контролеров всю дорогу улупетывал,— заявила, что хотя ей меня и жаль, но тяжко всякий раз подыматься в полшестого утра, выпроваживать меня, а потом еще и идти на работу. Мне и самому приходилось туго, но я молодой, а у соседки сердечко пошаливало.

Что было делать? Обращался я за помощью к своим друзьям, только они заменжевались в незнакомый город на разборку с кодлой ехать: дескать, себе дорожке выйти может. Да и чтоб ночевать у кого-то из них, дружно стали противиться. Телеграммы же я по ситуации разносить теперь не мог, потому постоянно сидел на подсосе. Полный писец. И в этом жизненно-денежном тупике стал даже всерьез подумывать: а не грохнуть ли, в натуре, жоака кодлы? А что? Главное — подходящий момент на улице подгадать, без свидетелей. Для начала звездануть арматуриной сзади по башке, а потом свернуть шею. Только боязно: вдруг менты найдут...

Но — есть все-таки справедливость на белом свете! — как раз тут банду старшекурсников задержали с поличным на месте очередного грабежа и завели уголовное дело. Давно пора было!

Двоих беспредельщиков посадили в колонию, еще двоих осудили условно, но из ПТУ всех выгнали, и жить стало — красота. Между прочим, меня тоже к следователю тягали — он у мастера в кабинете сидел — и выспрашивали, не отбирала ли эта кодла у меня вещи или деньги. Я твердо сказал: нет; мастер кричал, что я вру, однако все равно я никого не заложил.

Училище закончил спокойно, а оба лета между курсами, на каникулах, работал, чтобы на сберкнижку, на зиму, хоть какие-то деньги положить. У меня в группе только у одного была сберкнижка, я ее никому не показывал, прятал, втайне очень ею гордясь.

Окончив ПТУ, приехал домой и сказал отцу, что по закону имею право жить в нашей квартире, а если он вечером мне дверь не откроет, тогда я ее просто вышибу. Папашка кинулся в драку — мачеха его сильно подзуживала. Но я все-таки подросток и опыт мочиловок теперь имел немалый, так что звезданул подвыпившему родителю в челюсть более чем удачно: он упал и с маху ввинтился башкой в ножку стола, наглухо вырубившись.

Мачехе я ткнул на дверь, предупредив, что, если из квартиры не уйдет, ночью придущу: кину подушку на жирное рыло, а сам сверху сяду, минут на пяток. Сволочная баба тут же помчалась капать в милицию. Вскоре явился участковый инспектор, мы серьезно поговорили, и, видно, прекрасно знавший моих дерьмовых родителей капитан принял мою сторону. В тот же вечер мачеха из хаты свалила, ключи у нее я предварительно отобрал.

Вернулась она туда, когда я на следующий день ушел искать работу. Стерва, видать, загодя прислала лишний комплект ключей. Ну и забрала все, что еще оставалось в квартире мало-мальски ценного, — даже посуду и старый, но рабочий утюг. Однако больше всего мне жаль было материного наследства: энциклопедии «Комнатное садоводство». Я ее за всяким хламом на антресоли прятал, однако гадюка и туда доползла.

Я начал орать на отца, требуя показать, где она живет. Но он несколько дней все отнекивался, а потом неожиданно свалил из дома сам — к какой-то другой тетке. Кому понадобился такой порченный фрукт — уму непостижимо. Короче, я остался хозяином в двухкомнатной, хотя и полупустой квартире. Первое, что сделал, — сменил на ее входной двери замки. И славно зажил...

Неполный год проработал грузчиком в гортопе — насилу добился, из-за роста брать не хотели, — начал помаленьку калымить, наладил связи со старыми друзьями...

Вместе с ними я мачеху свою однажды вечером в тихом уголке подстерег; приятели, по моему наущению, до того с папанькой серьезно поговорили и с третьего удара в сивушное табло адрес мурластой твари из алкаша выбили. Курва чуть не обделалась, когда я ей перо к глазу приставил и пообещал обе гляделки лично выковырнуть, если она немедленно «Комнатное садоводство» не представит. Как шелковая, отдала ключ от своей хаты и внятно рассказала, где том краденый искать.

Я сам сходил в загаженную «однушку», которую эта сука сдавала, пока обитала у нас, гребя за то прилично бабок, и забрал материну реликвию, а заодно попавшийся на глаза свой утюг. Потом вернулся к мачехе и за надорванный корешок плюс огромное жирное пятно на верхнем переплете энциклопедии так ввинтил воровке в хлебрезник, что минимум один клык ей точно вышиб. Кровью харкала! Еще и предупредил: коль твякнет в ментуру — найду в любой точке глобуса и растребушу на мелкие кусочки. А предварительно утюжком жирное брюхо до печенок прожгу. И лезвием ножа, для понятливости, по страшнучей роже — глянешь: стошнит! — поводит слегка. Даже не пикнула, рыжая страхолюдина!

Теперь мы с друзьями у меня на квартире стали частенько собираться. Но гулять старались по-тихому, потому как раз тот же капитан-участковый приволокся и пригрозил, что на своей территории притона не потерпит. Заложил же, гад, кто-то из завидующих соседей!

Ко мне и женщин иногда приводили, согласных за выпивку-жратву на постельные дела, так я с одной поближе и познакомился. Она из деревни была, на электро-

ламповом комбинате впиливала, меня постарше и в жизни поопытнее. Несколько месяцев мы с ней прожили, как муж с женой, и это мне здорово понравилось. А что: пришел с работы — ужин на столе, в квартире чисто-блисто и белье для кувыркания в койке постирано-поглажено!

И еще. Оформилась у меня, когда я домой вернулся, мечта: возродить материн розарий, который за время моей учебы в ПТУ приказал долго жить, а весь газон под балконом густо зарос сорняками. Я даже в спецмагазин «Цветы» ходил, каталог сортов роз листал, искал подходящие плетистые. Но, поразмыслив, решил это дело до возвращения со срочной пока отложить.

К концу апреля уже повестка из военкомата не заржавела-подоспела: а пожалтека священный долг перед Родиной исполнять! Хоть не в жилу, а — н а д о! Моя мадам сильно разнюнилась, но поначалу пообещала меня ждать, пока положенный срок отслужу. Только в квартире я ее все-таки не рискнул одну оставить, хотя сожительница чуть не до истерики умоляла и требовала. Уж больно не хотелось ей назад, в общагу, переезжать, хотя койку там на всякий случай она за собой сохранила.

Однако и соседка сердобольная, и таксист дядя Паша мне твердо зазнобу в нашей хате оставлять рассоветовали: мало ли чего всякого за год без меня на кровной территории может произойти. Так ведь жилплощадь наследственную и профукать недолго, тем более, хотя папашка мой в ней по бумагам и продолжает числиться. Примеров криминальных отъемов квадратных метров — море! И пришлось в конце концов сожительнице восвосяи отбыть. С ужасно крутой обидой притом.

Написал я потом своей бывшей, на общагу, из-за каменного забора, и раз, и другой, и третий. Только она мне ни словечка не ответила. Впрочем, понятно, почему. Тогда, неожиданно для себя, я вдруг сочинил такие стихи:

*Я знаю, ты совсем не виновата,
Что перестала письма мне писать.
Зачем тебе нужна любовь солдата,
Когда его еще так долго ждать...*

Но мадам так и не отозвалась, и я понял, что это — финиш...

Писем я ни от кого не получал, только раз от жалостливой соседки, на которую оставил квартиру и «Комнатное садоводство». Она сообщила, что отца посадили за пьяную драку. Спасибо родной милиции! И дяде Паше с сердобольной, что не позволили мою невенчанную без присмотра в хате оставить. Кто знает, чего бы она там одна нахозяйничала, после того как осужденного батяньку выписали!

На почту ходить перестал, разуверившись, что зазноба бывшая хотя бы пустой конверт пришлет. В казарме сослуживцы вечно болтали о доме, о родителях, о всяких тряпках, мотоциклах и авто-иномарках. И как каждый из них, отслужив, сразу откроет крутую фирму и будет грести зелень лопатой и ежедневно трахать разных баб под дорогушие пойло и закусь, а я мысленно посмеивался: какие все-таки они еще дети...

Замполита и взводного я обманул: помогло, что в военкомате какой-то бюрократ, еще когда я только на приписку пришел, додумался в личное дело фамилию и звание мачехи вписать. Долбак тупорылый! Они ж так и не расписались, значит, была просто сожительница, а мне вообще никто. Но это даже лучше оказалось: я начальникам письма, вроде от них, родоков ссученных, специально предъявил. Липовые. Потому как, когда мусор из казармы выносил, додумался на помойке несколько старых конвертов с родительскими посланиями изыскать. Потом с них марки на два чистых конверта переклеил, а печати почтовые туда же перевел через крутое яйцо — нам по

воскресным дням в утреннюю пайку по две штуки включают. Ну и адрес части постарался измененным почерком, похожим на тот, который в письмах, накропать — специально в уголке за караульным городком, вдали от посторонних глаз, потренировался... Прохлаяло!

Финт этот сотворил, чтобы начальники со всякими глупыми вопросами не домысливались, а то живо запишут в разряд неблагонадежных. И тогда пошло-поехало: беседы занудные, в душу с грязными лапами, сверхбдительность проявлять. А так оно куда спокойнее, потихоньку, срочную-то пересидеть. И чтоб больше никогда не слышать об этой на хрен мне упавшей почетной обязанности: службе в российской армии...

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Сегодня мне с губы выходить срок. Интересно, как ко мне ребята со взвода теперь относиться будут? В смысле, после самохода и отсидки.

Героем посчитают? Да черта с два...

Отвернутся, как от чумного? Тоже вряд ли...

Но ведь и мимо факт самовольной отлучки и ареста явно не прокнает. Мнение сослуживцев как-то, да проявится. Это же ведь не гражданка, где каждый сам за себя; в армии все иначе и обязанность на всех одна: тянуть ляжку, именуемую службой.

Ладно, к этой самой службе со всеми ее тяготами и лишениями, как толкует устав, я уже начал привыкать, да другого и не дано. Хотя лишения те, а особенно тяготы, во многом произрастают от дурости и тупости всяких начальников. Увы! Армия — это волчья тропа, по которой надо пройти, оскалив зубы, и единственное место, где совсем не жалко прошедших дней. Дембель же пока далековато, так что скрипнем зубами и будем потихоньку выживать. Покуда опять апрельским ветром не повеет и толпу бритоголовых щенков не пригонят нам на смену.

А уж куда дальше на гражданке стопы направить — время покажет, руки прокормят, и розы дома, под балконом, я обязательно опять выращу.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ГАЗОВАЯ АТАКА

Член Союза писателей России. Наш постоянный автор. Автор многих публикаций в газетах, журналах, альманахах и сборниках. Издано 10 брошюр и 4 книги в переплетах.

*Посвящаю своему деду
Василию Никифоровичу Виноградову,
ослепшему от газовой атаки
в Первую мировую войну.*

Григорий положил маленькую лопатку, которой копал, на траву, вылез из ямки и сел на бруствер — свежевырытую землю.

— Ты, чего, Гриша, устал? — спросил того Василий из соседней ямки, продолжая копать.

— Нет. Просто думаю, зачем рыть глубокий окоп, если и этого метра хватит, чтобы спрятаться.

Василий выбросил очередную порцию земли из своего окопчика, воткнул лопату в землю, вздохнул, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и сказал:

— Вот, сразу видно, что ты, Григорий, на войне — новичок. Для того чтобы играть в прятки с ребятами из соседней деревни — в самый раз. А когда начнется бой, а он обязательно начнется, и артиллерия станет забрасывать нас снарядами, вырывая клочья земли то справа, то слева и грохот будет стоять такой, что не слышно рядом лежащего; потом пойдут танки — эти железные машины, давя и круша все на своем пути, а затем в бой вступит пехота, на ходу стреляя из своих винтовок, и пули будут свистеть со всех сторон, то ты подумаешь, что это тебе снится, или ты попал в самый настоящий ад. Вот когда будешь жалеть, что не вырыл окоп метра три-четыре глубиной.

— Страшную картину нарисовал, Василий, но убедил,— Григорий вздохнул, спрыгнул в ямку, взял лопату и стал углублять свой окоп.

Потом все эти окопы соединили траншеями вдоль линии фронта.

Шла Первая мировая война.

Две русские армии преградили немцам путь к Варшаве в районе Болимова и у реки Гнида. Здесь было открытое, слегка холмистое, пространство все изрезанное окопами.

Бои шли хоть и ожесточенные, но немецкой армии не удавалось прорвать оборону русских.

Наступило 31 мая 1915 года.

Первая газовая атака состоялась возле Ипра. Но она не послужила уроком. Русские войска оказались не готовы к такой войне.

Противогазы, правда, привезли вечером этого же дня, но в таком количестве их некому было раздавать.

После этого случая русскую армию начали срочно комплектовать средствами защиты.

Григорий, как и 10 тысяч бойцов, погиб. А Василий выжил, но были затронуты его зрительные нервы. Поэтому всю оставшуюся свою жизнь он прожил в темноте, то есть слепым.

Елена Зинченко
(г. Киев, Украина)

ПРАДА И КОНЕЦ СВЕТА

Елена Зинченко окончила Уральскую юридическую академию в г. Екатеринбурге, по специальности «Правоведение». Автор нескольких книг прозы. Лауреат международного конкурса «Зеленая волна-2012», дипломант премии Корнея Чуковского /2013, Украина/, лауреат конкурса «Русский Stil-2013» /Германия/, 2-кратный лауреат конкурсов журнала «Эгоист generation» /г. Москва/. Член Международной гильдии писателей, региональный Представитель МГП в Украине. Свою литературную деятельность успешно совмещает с адвокатской практикой. Живет в Киеве, Украина.

— Сегодня! Уже сейчас — всего через несколько минут! — как заклинание, шептала она, словно заставляя себя поверить в невероятное.

Она почти бежала. Дух перехватывало — совсем как в детстве, когда взлетаешь высь на старых качелях, взывающих тебя к осторожности ворчливым металлическим скрежетанием. Но ты ничего не слышишь и повинешься одному-единственному желанию — выше, выше... Словно ждешь, что вот-вот тебя подхватят сильные крылья ветра, который с тобой заодно, и унесут в неведомые шелковые небесные дали...

Два квартала... полтора... один... и — уже совсем близко — там, за углом этой уютной дорогой кафешки, окутанной умопомрачительным ароматом эспрессо. Раньше ее завораживал этот запах. Это был один из запахов мечты. Скромной девчоночьей мечты: когда-либо вот так же запросто, как все эти холеные барышни (наверняка, ее ровесницы), беззаботно флиртующие со своими спутниками, посидеть часок-другой здесь, за чашечкой этого благоухающего напитка. И не холодеть желудком при мысли о том, сколько стоит эта крошечная порция неземного удовольствия. Просто позволить себе наслаждаться жизнью, как ни банально это звучит! Мысленный видеоролик девичьих грез с настырным постоянством включался именно здесь, являя одну и ту же картину: она сидит за первым столиком справа, играя тонкой сигаретой в изящных пальцах, окутывая себя мускусным облаком дыма, путающимся в шлейфе аромата изысканных французских духов (кстати — еще два запаха мечты). Союз этих желанных запахов вызывал необычную, если не сказать, странную гамму чувств: он был похож на тайный роман гордости школы — зубрилки-отличницы с отпетым двоечником-хулиганом. Она наслаждалась пьянящим ароматом своей тайной мечты и пока просто не смела придумать ей продолжение. Пока... пока она не увидела их....

Они возлежали на царственном хрустальном возвышении в самом центре зеркальной витрины магазина с дьявольски модным, торжественным названием «ПРАДА». До чего же они были хороши! Именно в таком случае говорят: это нужно было только видеть... Мудрая дымка задумчивых линз в обрамлении нежных изгибов-завитков изящной оправы с величественным логотипом — савойским гербом

королевской семьи... Согласитесь — «очки» — слишком простое название для... вот опять — язык не поворачивается назвать ни «вещью», ни «аксессуаром» этот восхиительный взор мечты! Окруженные своими «собратями», казалось, они замерли в ожидании взмаха дирижерской палочки Маэстро — того самого модного Дьявола или Дьяволицы, которые носят исключительно ее — вожденную ПРАДУ. Волшебный взмах и — зазвучит неслыханная доселе величественная кантата...

Она не разбиралась в трендах сезонов. И полюбившееся нынешним модницам словечко «винтаж» вряд ли слышала. И, наверняка, такие понятия, как «ретро-стиль», «геометрия» и «хай-тек» ей тоже ни о чем бы не сказали. Но с того мгновенья, когда их взгляды встретились, она поняла, что мечта может совсем не иметь запаха. Каждый день, приближаясь к витрине, где теперь жила ее мечта, она, зажмуривая глаза, просила Николая Чудотворца отвести взгляды покупателей и возможности их кошелек от магического предмета. И так дважды в день: по дороге в колледж и обратно. Она понимала, что особо полагаться на святого не стоит — до первого морского шторма — ведь основная его задача оберегать моряков и их корабли, а не распугивать покупателей брендовых магазинов. Эта мысль придала ей храбрости — она, наконец, решила примерить взор мудрой дымки задумчивых линз.

Она еще не пережила сладкий трепет первого свидания с любимым. По той простой причине, что любимый ей еще не встретился. Но ощущения, которые она пережила в то мгновение, когда учтивый продавец, похожий на скандинавского гнома, отворил заветную витрину и вручил ей одно из своих сокровищ, наверное, очень похожи на хмель любовного тумана. Ощувив прикосновение мечты к своему лицу, она открыла глаза и — очутилась в новом мире! Вихрь чувств и эмоций унес ее в те самые неведомые шелковые небесные дали, которых тогда, в детстве она мечтала достигнуть, взлетев в объятья ветра со старых скрипучих качелей. Она никогда не интересовалась историей этого экстравагантного аксессуара — ведь в педагогических колледжах не преподают уроки моды. Но что такое — это самое знание? Лишь субъективный образ реальности в форме представлений и понятий. Совсем иное — чувство, эмоции! Вам и невдомек, что, лишь водрузив на свой очаровательный носик очки ПРАДА Вы имеете шанс не только увидеть, но и почувствовать... то же самое, что увидела и почувствовала она. Неввероятно, но на какой-то миг она вдруг ощутила себя древнеиндийской принцессой, к верхним векам которой приклеены полоски невесомого шелка, благоухающие специальной смолой и дарящие глазам ласковую тень; сказочная вереница ощущений перенесла ее в Древний Египет, где знатные дамы защищали лицо от солнца крашеным папирусом; на мгновенье ее окутал изумрудный туман — именно так видел мир фараон Тутанхамон, который защищал глаза от солнца двумя тончайшими спилами изумруда; а вот солнышко заслонила тучка дымчатого кварца — весьма изощренное изобретение китайского правосудия — за стеклами дымчатых очков судьи скрывали свои чувства и отношение к оглашаемому приговору в далеком XII веке.

Но главное... главное — это то, что окружающий ее мир теперь был другого цвета. И в этот момент она поняла, что это — не только цвет мечты, это — цвет предчувствия скорого счастья. Словно сам Метр Марио Прада послал ей благословение из далекого 1913-го. Метр, сама элегантность, лаконичность и изысканность, стоял чуть поодаль, отражаясь в зеркале, и, глядя на нее (наверное, именно так он смотрел на свою внучку Миуччиа Прада — надежду и гордость кампании), одобрительно попыхивал трубкой. Чудеса, да и только! Удивительные все же вещи могут сотворить две детали из оптически прозрачного однородного материала, ограниченные двумя полпрозрачными преломляющими поверхностями...

Из того же зеркала на нее смотрела красавица с обложки модного глянца. КАСАВИЦА — и не иначе. Таковую вряд ли испортит скромность повседневной при-

чески — волосы, наспех стянутые резинкой в хвостик, да и студенческая застиранная джинса уже совсем ни при чем — забудьте, что встречаются по одежке — в данном случае было ясно: встречать ее отныне будут по ПРАДЕ! Теперь все изменится и роковая фамилия не причинит ей больше никаких неудобств, и никто ее, 18-летнюю студентку Киевского педагогического колледжа отныне не будет ассоциировать с концом света, как было до сих пор. И о чем только думали родители, когда давали ей это имя, зная свою фамилию!? Конец Света! Да, да, Вы все правильно поняли — Света, по фамилии Конец! Не сказать, чтобы она чувствовала себя уж совсем проклятой и отверженной, но катастрофическая фамилия постоянно давала о себе знать. И мелкие неприятности типа неизбежного вызова к доске в первых рядах новыми преподавателями, которым не терпелось посмотреть на конец света в облике ее скромной персоны — не в счет. Знакомство с понравившимися ей парнями заканчивалось, еще не успев начаться — в тот момент, когда они узнавали ее имя и фамилию. Еще бы — с такой фамилией и прозвища (верного, хоть и не всегда приятного спутника детства) не надо! Вот и попробуйте быть счастливы с такими именем и фамилией!

Но теперь, теперь — совсем другое дело! Образ стильной красавицы с дымчатым взглядом мудрой ПРАДЫ стоял у нее... нет — не перед глазами, он заполнил собой все ее существо. Он снился ей в счастливых снах, где она уже была обладательницей лаконичной роскоши с гордым именем ПРАДА. И она не хотела быть счастливой только во сне. Нужно было срочно что-то предпринимать! Сумма, которую она должна была выложить за мечту, была ничтожно мала по сравнению с тем счастьем, которое эта самая мечта сулила. И эта же сумма была слишком велика для «понаехавшей» из провинциальной закарпатской глубинки студентки, которая едва сводит концы с концами и подрабатывает в Макдональдсе чтобы эти самые концы хоть как-то свести. Она вспомнила как, буквально неделю назад, они всей группой «сбрасывались» по двадцатке на подарок ко дню рождения одногруппницы — бойкой любимицы курса Лике — и долго прикидывали — что же можно купить на собранные четыреста гривен? В результате было решено просто подарить деньги. Теперь, это была самая богатая девочка на курсе, да и, пожалуй, в колледже. Так думали все. Но она-то знала, что «внучек Рокфеллера» в их альма матер на сегодняшний день аж две. В малюсенькой дырочке матраца, аккуратно замаскированной бантиком наматрачника, покоились четыреста гривен. Сто из которых были высланы мамой (работающей медсестрой в сельской больнице, по причине дороговизны железнодорожных билетов ни разу не навещившей дочь в Киеве, а посему пребывающей в счастливом неведении относительно киевских цен), на покупку зимних сапог, плюс триста гривен, отложенные ею самой за последний год на... неважно на что они копились раньше... Теперь-то она точно знала их назначение. Вспомнив ценник, стоящий рядом с мечтой — там, на царственном хрустальном возвышении зеркальной витрины, она тяжело вздохнула: такую сумму необходимо было умножить на пять — и мечта у тебя в кармане, вернее, на носу! Да-а-а, оказывается, деньги — жутко важная вещь, и особенно это понимаешь, когда их у тебя нет!

Правильно говорят, что первая мысль, которая приходит в голову — самая верная. Потому что второй мыслью, пришедшей ей тогда в голову, было очень логично вытекающее из первой соображение о том, что необходимо просто... «скинуться». И все. Нужно найти еще четверых девчонок, которые согласятся «вскладчину» владеть дымкой мудрого взора блистательной ПРАДЫ. И претворить в жизнь эту идею оказалось проще, чем она думала. Вернее, она была на все сто уверена, что, померив эту элегантную роскошь, и искупавшись в том потоке эмоций, в котором тогда, в момент первого свидания со своей мечтой, оказалась она, девчонки сразу же войдут в долю. А уж в заветную ПРАДУ она их как-нибудь затащит. Или, в конце концов, она — не Конец Света.

Учтивый скандинавский гном очень обрадовался, завидев стайку щебечущих студентов, впорхнувших в его магазин. Еще бы — сразу же пять потенциальных покупателей! Его ничуть не смущали пропорции цены на его товар и возраста юных леди: он искренне считал разумной ту цену, которая способна отключить разум покупателя. И зря. Это был как раз тот единственный случай, когда разум отключился у продавца: хранитель сокровищ никак не мог взять в толк, почему все они «набросились» пусть на самую роскошную, но все же — на одну единственную модель очков. Еще больше он был озадачен тем, что девицы, изрядно поморочив ему голову, но так и не совершив ни единой покупки, покинули его магазин. Причем они пребывали в совершенной эйфории, как если бы каждая из них, по меньшей мере, скупил полмагазина.

Светка улыбнулась. В сумочке, которую она трепетно прижимает к душе, от счастья забившейся куда-то в угол между сердцем и запазухой, покоится необходимая для покупки денежка, с трудом (по немыслимым сусекам!) выскобленная их отважной пятеркой. Ей не хотелось даже вспоминать, как они скребли по этим самым сусекам! Да и зачем — важно то, что она — за полшага до своей мечты... Серебряный (ну до чего же милый!) перезвон дежурного колокольчика на двери, дрожащие пальцы, отсчитывающие купюры...

— Что? Нет-нет, ни в коем случае: в футляр прятать не надо, я его заберу отдельно! И — отцепите, пожалуйста, бирочку! — интересно, слышал ли он ее шепот или сам догадался, этот непонятливый (но сегодня — бесконечно милый), учтивый скандинавский гном?

Конечно же, неужели непонятно: она их наденет прямо здесь и сейчас — невозможно терять ни одного драгоценного мгновения обладания этим чудом с гордым именем ПРАДА. Достаточно того, что неделя итак для них, совладелец мудрого взора задумчивой дымки линз, сократилась до пяти дней: по одному дню жизни в шоколадно-солнечном измерении ПРАДА на каждую счастливую обладательницу изящной роскоши.

К студенческой общаге она шла медленно: смакуя каждый шаг своего блаженства. Впервые она не почувствовала аромата эспрессо, источаемого дорогой кафешкой — тоже мне, счастье, поглощать крошечные дозы кофе, создавая дымовую завесу, часами кокетничая со скучными кавалерами! Да жизнь просто обделила их, не надоумив взглянуть на мир через гордый прищур очков ПРАДА!

Светка знала, что девчонки уже пришли к последней пары и ждут ее, стгорая от нетерпения. Светкина и Ликина комната сияла, как новая копеечка. Не препираясь по поводу очередных дежурств, они, вчера, все хором, с самозабвением надраивали полы, окна и стены. Уборка была затеяна как будто по случаю новоселья — ведь в одну комнату их пятерке пришлось съехаться, поменявшись с сокурсницами, ввиду заключенного ими знаменательного пакта, объединившего девчонок по факту обладания общим имуществом. Но настоящая причина кристальной чистоты и предстоящего пира (на столе стояла остывающая сковорода с жареной картошкой и порезанные на пять частей две молочные сосиски) крылась в труднообъяснимом желании соответствия. А раз объяснять трудно, так, быть может, и не стоит этого делать — разве что парой слов. Например, болтающийся клок обоев не соответствует не то что очкам ПРАДА, а даже их футляру из бархатной сафьяновой кожи. Поэтому и клеить, чистить, драить, протирать пришлось до позднего вечера. Приблизившись к общежитию, Светка, присев на лавочку, благоговейно, обеими руками сняла с носа хрупкую красоту и аккуратно водрузила очки в футляр.

«Еще вычтут из моего законного дня этот украденный час обладания очками, в течение которого я шла из магазина!» — осторожничала она, укладывая футляр в сумочку и косясь на парадное их студенческой обители.

Очки уже минут тридцать лежали на чистейшем полотенце рядом с остывшей сковородкой, к которой еще никто не притрагивался. Девчонки, еще раз примерив по очереди, шик солнечной Италии, составили расписание своих «пятидневок» до ближайших каникул. Первой во владение вступала Элка. И по праву — ее взнос в общий «котел» составил на пятьдесят гривен больше, чем смогли «наскрести» остальные. В их студенческой тусовке не принято навешивать ярлык двоечниц на девчонок, отстающих в учебе. Но если бы в их колледже действовала такая «шкала» оценки успеваемости, Элку называли бы именно так. Подобно ящерице — стоило ей только сбросить предыдущий хвост, она с завидным постоянством отращивала на его месте новый. И как раз такой очередной «хвост» ей надлежало пересдать буквально через час. Еще раз перечитав хором вслух перечень правил, которые каллиграфическим почерком Людочки были выписаны на листе формата А4 и приколоты над столом, девчонки, торжественно водрузив ей на нос породнившее их сокровище, проводили похорошевшую до неузнаваемости подругу. Ей надлежало вернуться через полтора часа. И никто из них, включая саму Элку, тогда даже не предполагал, что эти полтора часа не только войдут в историю их славного колледжа, но и станут практически легендой, пересказываемой из года в год преподавателями новобранцам первых курсов. Наверное, и сама виновница событий до сих пор не поняла, как ей удалось пересдать экзамен английского языка, по роковой случайности захватив с собой на экзамен вместо английского французский словарь и немецкую газету вместо, опять же, полагающейся английской, которые студенты должны были приносить с собой для перевода политического текста! Единственное, что помнит Элка — это состояние спокойной уверенности и счастья, которое в первый раз не покидало ее ни на минуту в течение всего экзамена. И конечно же, — она ни на минуту не снимала очки. Но, кто же будет утверждать, что очки ПРАДА обладают волшебным свойством автопереводчика иностранных языков? Но никто не может утверждать и обратное: ведь факт, подкрепленный внушительными двенадцатью баллами, красующимися в элкиной зачетке, остается, как ни крути, фактом, который, как известно, — вещь упрямая!

Людочка была следующей. И по этому поводу девчонок слегка лихорадило. И было от чего — ведь их подруга страдала близорукостью и, оказавшись без своих очков превращалась в лаврушку, замершую в зыбкой нерешительности на сомнительно колышущейся поверхности холодца. И зачем только они взяли ее в долю? Вот о чем они все тогда думали? Хотя... известно о чем — без Людочкиных четырехста гривен, отложенных ею на покупку нетбука в очень далеком и потому совсем не обозримом будущем, пазл покупки обворожительной дымки задумчивого взора ПРАДА никак бы не сложился! Когда Людочкина рука тянулась к заветному жребию (ведь все, включая очередность обладания мечтой, должно было быть «по чесноку» — по неписанному законом студенческого братства), остальные совладелицы очков единодушно возжелали коварного, но невозможного чуда: а вот пусть бы клочок бумаги взял, да и оказался совсем без номера или уж, в крайнем случае — с последним номером... Но чуда не случилось — и вот, как говорится, получите и распишитесь: неуклюжая слепуха Людочка не долее как сегодня должна подвергнуться опасности не только себя, но и пытливый прищур ПРАДА, устремленный в их счастливое будущее. Светка опять ощутила себя на взмывающих в безрассудную высь качелях.

Но Людочка была на удивление уверена и спокойна. Судя по всему, она знала, что делала. Она была из тех девчонок, в чью жизнь не спешит ворваться сказочный принц на белом коне с половиной царства наперевес. А если уж такое и случается, то что-нибудь все равно не в комплекте: то конь не белый, то с полцарством не складывается. Формулы же активных поисков счастья типа «Под лежащий камень вода не течет», «Кто никуда не плывет, тому не бывает попутного ветра», «Кто ищет, тот

всегда найдет» и прочие перлы народной мудрости лишь забавляли ее отсутствием элементарной логики. Возьмем, к примеру, камень. Во-первых, разве камни бывают не лежачие? Во-вторых, зачем под этот самый камень воде вообще нужно течь? В общем, Людочка не питала иллюзий и не ждала доброй Феи, которая поспособит ей в делах сердечных с принцами, туфельками, каретами и предотвратит коварную полночь, чреватую тыквами. В колледже она слыла «синим чулком». Неуклюжая толстушка, с бессменным ободком на голове, хищно впившимся своими пластиковыми зубками в ее голову. Вот скажите, на милость, зачем такой нескладухе ПРАДА? Девчонки были удивлены ее решением присоединиться к их четверке: ведь они-то, по крайней мере, видели себя, звездных и неотразимых, по которым томится подиум, там, в зеркале заветного магазина. Людочка же, сменив свои обычные очки на солнцезащитные, вряд ли смогла рассмотреть то же самое.

«Покалечится или... — додумывать мысль до конца Светке было стыдно, но где-то закадровым фоном, мысль, все же, додумывалась сама, — или угробит наше достояние! Нет, все-таки зватья Концом Света — не самое страшное в жизни!». Но, договор, как говорится, дороже денег. Всем миром их студенческой комнаты они собирали Людочку на прогулку. От провожатых она решительно отказалось. Да, да, впервые она решила дать отдых зубам, да и граниту науки тоже — неизвестно, кто из них утомился больше. Спящая красавица проснулась: очевидно, все же, пришло время для принцев, туфелек, карет, пусть даже если им суждено обернуться тыквой! Сменив дежурный ободок на Ликину выходную заколку для волос, и решившись сразу на два безумства: перламутровый блеск для губ и Светкин кокетливый палантин, показавшийся ей вполне уместным извинением ее неуклюжей фигуры, Людочка, наконец, ступила за порог.

«Глупые, милые девчонки: они думают, что я не знаю, как мне идут эти очки! Да достаточно было одного удивленного возгласа Иринки там, в магазине, во время примерки, чтобы понять, что я — супер!» — Людочка почему-то совсем не удивилась появлению нового «остренького» словечка в своем лексиконе. Она знала дорогу от их студенческой обители до парка как свои пять пальцев. Да и парк тоже был знаком ей до малейших подробностей — ведь только там, на дальней скамейке можно было без помех грызть тот самый гранит науки, которому сегодня она дала тайм-аут.

Она никогда не была на море. Увидеть море — это было ее самой заветной мечтой детства. Но это было невозможно. Невозможно — потому что дорого и далеко, потому что... да достаточно уже первых два «потому что», чтобы его не увидеть. Временами она даже думала о том, что, стоит ей только отпустить свой взгляд в полет над бескрайней морской гладью, он, не встретив никаких препятствий, самым чудесным образом, превратится в зоркий взгляд вездесущей морской чайки. Но, нет — невозможно: далеко и дорого. Дорого и далеко. Разумеется, ей и в голову не могло прийти, что, в один прекрасный миг, море вдруг, как по шучьему веленью, окажется совсем рядом — тут, в Киеве. И для того, чтобы его увидеть, нужно будет лишь выйти за порог родного общежития.

Вот так иногда и бывает в жизни — оказывается, лишь несколько десятков метров дороги до парка отделяли ее от... моря. И не иначе! Сегодня Людочка не удивилась уже во второй раз — ведь меньшего от ПРАДА она и не думала получить. Жизнь порой порой преподносит нам сюрпризы: ожидаешь принца, а получаешь детскую мечту — море! Вместо парка перед ней раскинулась изумрудная лагуна. Быть может, то, что она слышала не шум листвы, а шум морского прибоя и было обманом слуха, но обманом зрения это вряд ли можно было назвать: разве что волшебством. Мир в таких красках, какие перед ее удивленным близоруким взглядом явила ей ПРАДА, она не видела никогда. Неужели раз в пять дней она сможет видеть это ве-

ликолепие? Вздохи глянцевої листви, превращающиеся в ласку морской волны... Это ее море. Ее и ПРАДЫ. И пусть оно наполняет легкие не свежестью морского бриза, а ароматом цветущих магнолий с дрожащими несмелыми нотками акаций... Она опять превратилась в лаврушку на дрожащей спинке холодца. Ноги увязли в этом самом холодце — идти дальше не хотелось: а вдруг еще несколько шагов и очарование прекрасного видения вспугнет расстояние, и оно растворится так же внезапно, как возникло? Людочка с сожалением вздохнула. Она сняла очки и, аккуратно спрятав их в сафьяновый футляр с величественным логотипом — савойским гербом королевской семьи, побрела к своей любимой скамейке — там, в дальнем укромном уголке парка. Она настолько была поглощена своими впечатлениями и чувствами, что не заметила восхищенного взгляда ... быть может, того самого принца, который и на коне, и с тыквами, и с туфлями, а, быть может, и с полцарством в придачу (чем в наше время черт не шутит?). Разумеется, если бы она видела себя со стороны, она бы очень удивилась, насколько улыбка человека, неожиданно встретившегося с мечтой детства, может его преобразить. Та самая Золушка — неотразимо прекрасная и по-детски трогательная, которой пособила Прекрасная Фея с туфельками, платьем и каретой, стояла, как зачарованная, любуясь парком-морем.

Эта скамейка всегда была свободна — бабушкам и молоденьким мамашам, выгуливающим малышей, идти до нее слишком далеко, а время для молодых парочек еще не подоспело — эти мотыльки слетались в парк гораздо позднее. Людочка села на скамейку. Водрузив свои «близорукие» очки на нос, она еще раз вздохнула. Раскрыв томик Андрея Куркова и, было, приготовившись к чтению, она внезапно захопнула его. Ей вдруг стало жалко секунд и минуток ее законного обладания волшебством с гордым именем ПРАДА, которые она бездумно добровольно упускала сейчас, здесь. Она решительно надела очки, через которые она так неожиданно для себя увидела свою голубую мечту. Жизнь вокруг опять наполнилась шепотом сказки. Оказывается, цвет мира, который вокруг нас имеет огромное значение — в нем заложен особый смысл, постигнуть который можно только увидев его через призму очков ПРАДА. Правда, быть может, перед этим стоит прекратить смотреть на него сквозь розовые очки... Солнышко скрылось за макушками волн-деревьев. Людочка, явно перевыполнившая сегодня лимит по вздохам (печальным и восхищенным), все же, еще раз вздохнула. Сняв очки, она положила их рядом с томиком Куркова. То, что случилось в следующий момент, заставило на мгновение застыть кровь в жилах не только самой Людочки, но и... Однако обо всем по порядку. Принц, к которому, как оказалось впоследствии, наконец-то прилагался весь сказочный набор (конь — именно белый, а не серый, не гнедой и, уж конечно, не в яблоках; полцарства и прочие комплектующие), налюбовавшись издали неожиданно случившейся среди серых будней Золушкой, наконец, решил подойти к ней и познакомиться. И не с тем, чтобы выяснить размер ее ноги и убедиться в том, что это именно та Золушка, которую он тоже искал целую вечность — нет, он знал, что Золушка именно та: некоторые принцы тоже читают Куркова и не нуждаются в услугах Звездочетов, злых Мачех и гонцов, примеряющих туфли всему женскому населению государства, и у некоторых принцев, как ни странно, есть своя интуиция... Но, среди этих просвещенных и утонченных наследников престола, как оказалось, есть и довольно неуклюжие принцы. Студент Костя — без пяти минут выпускник филфака университета, оказался одним из них. Не заметив в сумерках возлежащей на скамейке рядом с Золушкой мудрой дымки задумчивых линз в обрамлении нежных изгибов-завитков изящной оправы с величественным логотипом — савойским гербом королевской семьи — великолепной ПРАДА, он сел прямо на них. Тут же, заметив свою оплошность, подскочил, но было уже поздно...

И как раз в это мгновение Светка, решившая «подстраховать» подслеповатую подругу и наблюдавшая за происходящим сквозь кусты акации, поняла что такое, на самом деле, конец света: сердце оборвалось и ухнуло в пустоту. Теперь лаврушкой на холодце была она — она, которая не могла сдвинуться с места. Светка пришла в себя в тот момент, когда Элка, также усомнившись в безопасности их сокровища и самой Людочки, а посему занявшая наблюдательный пост за соседним кустом, к невероятному удивлению Светки, выскочившая буквально из-под земли, осознав масштаб несчастья, ринулась к парочке. Светка, крепко схватив Элку за руку, утащила ее под сень листвы своего убежища.

— Не нужно им мешать! По-моему, она, наконец, встретила свое счастье. Это невероятно, я думала, у меня это случится раньше...

— Но — ПРАДА! — слезы, сдерживаемые лишь барьером неводостойкой туши, готовы были хлынуть из элкиных глаз.

— ПРАДА...— Светка уже полностью оправилась от только что случившегося конца света. — У меня была лишь одна подруга — Иринка — ну ты же знаешь. Но вот уже два дня, как их стало пять. И мне это нравится — знаешь, для нас ПРАДА — это не просто очки. Это — нечто большее, что позволило нам быть ближе, дружнее, мы стали почти что сестрами...

Элка задумчиво покачала головой. Ее слезы почему-то вмиг высохли, а на лице появилась робкая, доверчивая улыбка — словно ее очередной хвост, вдруг взял и отпал сам собой — запросто, без пересдачи. Им было не слышно, о чем беседовали Принц и Золушка, но по выражению лица Людочки было понятно, что она уже забыла об очках (вернее, о том, что от них осталось), которыми мерно, в такт беседы, помахивал неуклюжий наследник престола.

Светка и Элка, незаметно выбравшись из своего укрытия, брели по дорожке парка в общагу. Теперь они почему-то за подругу были совершенно спокойны.

— А знаешь, мне кажется, наши все поймут...— наслаждалась Элка своим великодушием и, разве что чуть-чуть рисовалась перед подругой.

— Уверена — поймут! — отозвалась Светка. — И знаешь, я предлагаю начать копить на новую ПРАДУ — там есть еще одна потрясная моделька! Согласись,— в этих очках что-то есть...

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ЛИДОЧКА

Член СП России и Академии российской литературы

Для всех она была просто Лидочкой. Так звали ее в семье, так звали в школе все учителя, так звали подруги, даже не самые близкие. Красивая, с тонкой осиной талией, с черными бровями, такими же густыми, как у отца, голубыми широко распахнутыми глазами, которые смотрели на все, что окружало ее, с искренним удивлением и неподдельной радостью.

Лидочка раньше всех научилась купаться, даже раньше, чем ее две старшие сестры; раньше их села на велосипед, и часто первой приставала к отцу:

— Папа, а ты обещал.

— Раз обещал, надо выполнять,— охотно соглашался отец.

И они с утра, сразу после завтрака, в выходной день садились на велосипеды и почти до позднего вечера совершали долгие поездки в дальний березовый лес. Лидочка старалась ехать быстро, и когда ей это удавалось, то восторженно восклицала:

— Папа, а я опять тебя обогнала,— и смотрела так победно и сияюще, что отец тотчас же соглашался:

— Да, Лидочка, ты стала хорошо кататься.

— Стараюсь,— бесхитростно признавалась Лидочка и, вскакивая, поднимала велосипед с поляны, на которой они только что остановились, чтобы передохнуть.— А ну, кто быстрее! До самого озера, хорошо?

Но до зеркально-чистого озера не доезжала, а резко тормозила и показывала в глубь берез:

— Папа, ты видишь, вон там, в ветвях, слева гнездо кукушкино?

Ей очень хотелось верить, что это гнездо именно кукушкино, ведь в прошлое воскресенье она на верхушке березы видела настоящую кукушку.

— Разумеется, Лидочка,— кивал головой отец и с наигранным испугом кричал вслед дочери, которая уже мчалась вниз, по крутому извилистому спуску прямо к озеру.— Осторожно, там запруда.

— Я знаю.

У самой запруды резко тормозила, разгоряченная, поправляла свободной рукой непослушную прядь волос на влажном лбу и победно смотрела на отца.— А я раньше тебя приехала,— и тянула его в сторону темных, плотных камышей.— Идем, посмотрим на лягушку, на самую большую, ту самую царевну, прямо как из сказки.

А еще она любила гулять с отцом,— и только с ним,— по вечернему притихшему поселку, и опять-таки ни разу ей отец не отказывал, хотя у него были другие, более срочные дела.

Шахтерский поселок от самого города был в стороне и был окружен степью и лесом, и высокие, конусообразные терриконы казались со стороны шоссе загадочными холмами. Сразу же за поселком, в степи, всего три года назад, начинался коллективный сад. Был он организован по инициативе отца, одного из лучших бригадиров шахты. Таким вот бригадиром он оказался и здесь,— деловым, активным. Многие жители имели свои дома и свои огороды, и поначалу неохотно хотели осваивать новые участки, но потом поддержали тех, кто решил в степи разбить не просто коллективный сад, а настоящий сад, который был бы засажен фруктовыми и ягодными деревьями. И теперь этот сад стал гордостью всего поселка, разрастался прямо на глазах. Гордилась им и Лидочка, которая вместе с отцом, кроме прогулок, все свое свободное время проводила на своем участке. Именно отец первым привез несколько саженцев голубой ели. Одна ель была посажена в саду, а другая — в палисаднике перед большим окном, и обе ели прижились, и с годами превратились в настоящие деревья. Прижились и остальные саженцы, которые были разобраны владельцами сада.

Тамара, мать Лидочки, долго ворчала, все хотела, чтобы ель под окном, пока она не разрослась, была пересажена в сад, но Лидочка заступилась за отца.

— Да как ты не понимаешь, мамочка. Какая эта красота?

И Тамара, конечно, махнула рукой:

— Разве вас пересамишь,— и сердито обратилась к мужу.— Вся в тебя, такая же упрямая.

Гордились жители поселка и своим стадионом. Гордилась им и Лидочка, даже больше, чем садом, так как она активно стала заниматься в волейбольной секции. Кроме этой секции, работали и другие — легкоатлетические, футбольные. А зимой заливали каток, а вот хоккейных коробок не было, а значит, и не было и хоккейной секции.

В девятом классе у Лидочки появился ухажер, тихий, спокойный парень из параллельного класса. Звали его Геннадием, рос он без отца, в большой семье, и все чаще и чаще приходил в дом Лидочки, и вскоре стал своим человеком, и отцу было приятно, что Геннадий к нему относится, как сын, а ведь сына у них с Тамарой за двадцать лет жизни так и не оказалось, рождались только одни девочки. И конечно, отношения к Геннадию у него были такие же, как и к дочерям. Как он мог отказать Геннадию, а значит, и Лидочке в их общей просьбе: надо построить свои две хоккейные площадки, найти своего тренера. А то что же получается: Геннадий вот уже целый год ездит на занятия хоккейной секции в город, и придется ездить и дальше, если он, самый активный общественник, не поможет большой группе ребят, которая все-раз увлечается этим видом спорта, самым настоящим, мужским.

И он отправился, как и раньше это делал, по соответствующим инстанциям, и не успокоился, пока не завезли на стадион все необходимое, чтобы в кратчайшие сроки, задолго до зимы, на месте пустыря построить две просторные хоккейные коробки. Как радовались Лидочка и Геннадий, радовался вместе с ними и остальными ребятами и он, и твердо знал, что будет создана дружная команда и капитаном ее станет Геннадий, который за это время был в их семье своим человеком, почти ее членом, и никто не сомневался, что со временем именно мужем Лидочки станет этот тихий, спокойный, но уверенный в себе, настойчивый паренек. Но никто и подумать не мог, что свадьба молодых состоится той же осенью, когда они закончат школу и поступят учиться: Лидочка — в медицинское училище, он — в строительное.

Больше всех, конечно, возражала мать Лидочки, Тамара, но не найдя поддержки у мужа, отступилась:

— Тебя, Лидочка, не пересамишь. Такая же упрямая, как и отец. Вся в него, как есть...

В начале октября я получил телеграмму, в которой Лидочка приглашала меня на свою свадьбу. Я давно уже не сомневался, что я был самым дорогим дядей, а для меня она была самой дорогой племянницей. И мне не забыть наши долгие поездки в дальний березовый лес, на берег чисто-зеркального озера, не забыть вечерние прогулки по поселку, не забыть, как мы вместе с ней работали в коллективном саду. Я, в чем и не сомневался, заменял ей часто отца, и со мной, как и с отцом, она делилась сокровенным. Вот только не пришлось мне бывать на стадионе, так как я после окончания школы поступил в областной политехнический институт и наезжал в поселок только на каникулы, а после окончания института, побывав в родном поселке всего несколько дней, уехал работать в далекую Сибирь, на реку Енисей, где начиналось строительство самой большой в стране электростанции. Работы было много, очень много, и я был весь в этой лихорадочной работе, которой я был полностью отдан. Я даже не успел жениться, зато добился многого — стал за эти годы одним из главных инженеров. Разумеется, ни о каких отпусках я даже не мечтал. И вот она — телеграмма. От любимой племянницы. Я невольно подумал: «Так сколько же лет я не был в поселке и сколько же лет Лидочке?» В тот же вечер решил: надо ехать. Конечно, дел, как всегда, было много, но мне, что было для меня удивительно, быстро пошли навстречу: я был отправлен в отпуск аж на три недели. Напротив, мне пожелали славно погулять на свадьбе моей любимой племянницы, ведь на двух предыдущих свадьбах старших дочерей брата я так и не смог побывать.

И через два дня, во второй половине тихого осеннего дня, я с аэродрома подъезжал на такси к дому старшего брата Леонида.

Все то же разбитое шоссе, вся та же широкая, неасфальтированная улица, все те же дома по обе стороны — постаревшие, с покосившимися заборами, и все та же высокая, разросшаяся голубая ель в палисаднике перед большим окном.

Напротив широко распахнутых ворот такси остановилось. С подарками в обеих руках, быстрым, радостным шагом я вошел во двор. От низкого крыльца навстречу мне шел сам брат Леонид. Вскинув руки вверх, он улыбался. За ним гуськом тянулись остальные члены его большой семьи — жена Тамара, его замужние дочери, его зятья. Вот только Лидочки среди них я почему-то не увидел.

— Как я рад, как я рад! — брат, расцеловав меня трижды, стучал по спине моей сжатыми кулаками, сверкал еще более заметной лысиной.

— Что-то я не вижу невесты? — не удержался я.

— Ты же знаешь нашу Лидочку. С любимым моим зятем укатила в лес. В тот самый, куда с нами ездила. Как я рад, как я рад! — повторил он опять радостным голосом и повел меня в дом. Здесь все было так, как бывает перед большим торжеством, — на кухне варили, стряпали; в маленькой, уютной комнате, будущей спальне молодых, было чисто, опрятно: пышно и ярко застелена кровать, в углу — большой, с зеркалом, шкаф, у окна — полированный стол, накрытый белой скатертью, рядом — такая же полированная тумбочка, а на тумбочке — телевизор.

— Все, как у людей, все, как у людей, — сказал Леонид и повел меня в большую комнату, где было сумрачно и прохладно, хотя окно было распахнуто настежь. Посредине, буквой «Т», стоял обеденный стол, и он уже был заставлен чистой посудой, бутылками вина.

— Все, как у людей, — снова повторил Леонид.

Мы вышли с ним снова во двор, широкий просторный. И тут я увидел Лидочку. Она, разгоряченная, поправляя с влажного лба непослушную прядь волос, быстро шла ко мне, выставив вперед свои тонкие красивые руки.

— Как я рада, как я рада! Спасибочки, что приехал. Из такой дали — и ко мне, на свадьбу.

— Неужели ты и вправду выходишь замуж? — по-прежнему искренне удивляясь, спросил я.

— Что делать, пора! Мой папа тоже в семнадцать женился. А я кто? Я — папина дочка! — Лидочка рассмеялась, целуя меня, а потом, повернувшись, указала рукой на подходившего к нам стройного, невысокого, но коренастого парня в таком же спортивном костюме, что и сама.

— А это и есть Геннадий, мой завтрашний муж.

Геннадий, с взъерошенными курчавыми волосами, с разрумяненными полными щеками, кажется, был еще моложе Лидочки: мальчишка мальчишкой, курносый, с синими глазами навывкате, с раздвоенным подбородком. Впрочем, удивлялся недолго, так как хорошо знал Лидочку: именно такого, простодушного, честного, я мог только и представить рядом с ней.

— А я с Геннадием ездила в тот самый дальний березовый лес, помните? — Лидочка вздохнула. — Вот только гнезда кукушкиного давно уже нет. Да и само озеро обмелело, затянуло ряской.

— А лягушка-царевна? — улыбнулся я, легко вспомнив прошлое.

— И ее нет.

— Зато есть ты, — ломким голосом сказал Геннадий, глядя влюбленными глазами на свою невесту, скорее всего повторил Лидочкины слова.

— Да, есть я. Вот такая! — и, подхватив Геннадия, закружилась, высоко вскидывая длинные, тонкие ноги.

А назавтра была свадьба, шумная, веселая, богатая, да другой свадьбы я и представить не мог. Гуляли два дня подряд, оба выходных. Кажется, весь поселок побывал на этой веселой, счастливой свадьбе.

С понедельника начались рабочие будни. Лидочка уехала в медицинское училище, Геннадий — в строительное, а Леонид ушел раньше всех на шахту, — продолжал бригадирствовать, хотя второй год был на пенсии.

— Разве его пересамишь. Буду, мол, работать, и все тут, пока я своей бригаде нужен. Да и в силе я. Вот только опять свой дурной характер не переломит. Хочет, чтоб все дороги в поселке заасфальтировали, — рассказывала мне жена его Тамара, когда мы с ней шли в сторону коллективного сада.

— Такой уж уродился, беспокойный. Вон какой сад возник? А стадион?

— Пора бы уюмониться. Всего не добьешься. Только сердце надсадишь. Нет, не понимает, и понимать не хочет. Вот и Лидочка такая же. В своем училище — первая заводила. Одним словом, вся в папу уродилась, — продолжала жаловаться мне Тамара.

И до субботы, как на работу, я уходил с Тamarой в коллективный сад, и на участке за эти дни сделали много: и землю перекопали, и собрали в кучки картофельную ботву, и весь лишний мусор сожгли. А в выходные дни Лидочка и Геннадий привели меня на стадион, и я своими глазами увидел, как много полезного и нужного успел сделать мой неугомонный старший брат. А потом уже сам Леонид водил меня по поселку и показывал, какие участки дороги нужно заасфальтировать в первую очередь. И говорил он так увлеченно, что я не сомневался, что своего он обязательно добьется.

— Порода наша такая, — с гордостью говорил Леонид. — И ты такой же: уже главный инженер на такой крупной электростанции. Нас не так-то просто сломить, мы еще повоюем.

И я, конечно, с ним соглашался, и был рад, что слова Леонида, почти слово в слово, повторяла и Лидочка, и не сомневался, что и у нее все получится.

С такими добрыми мыслями я уехал в Сибирь на свою работу, уверенный в том, что и я сумею еще чего-нибудь добиться. И я в самом деле многое добился: меня повысили в должности, а главное, я наконец-то женился, и уже чувствовал себя сибиря-

ком, и жалел только об одном: никак, в течение долгого времени, не мог приехать в родной шахтерский поселок.

И вдруг — опять телеграмма, горькая, тягостная: умер старший брат Леонид. И вот я на родине, приехал разделить горе родных, горе Лидочки, самой любимой дочери.

— Умер в одночасье, от сердечного приступа. Скорая приехала, да — поздно...

Были и другие, горькие новости, но все они сводились к одной: не стоило брату Леониду заниматься общественными делами, особенно после выхода на пенсию. Все они к положительным результатам не приводили: за последние два года вся жизнь в стране как бы вспять повернулась, оказалась в зыбучей трясине, и такие энтузиасты, как мой брат Леонид, стали ненужными, даже больше того, лишними. Но Леонид не сдавался, он продолжал воевать, как бы не понимая, как бы не понимая того, что рушатся, ломаются, как в бурю деревья, сами устои жизни.

— Вот и довоевался,— как бы за всех откровенно и правдиво признался один из близких его друзей, который раньше охотно помогал ему.— Да пропади оно все пропадом.

Только Лидочка не соглашалась, упрямо твердила:

— Не может быть так, не верю.

Прощаясь со мной на вокзале, спросила у меня, как бы ища ответа:

— Ведь не может быть такого, дядя Коля?

Что я мог ей сказать? Мог только ее успокоить, мог только сказать, что надо как можно скорее пережить эти все перестроечные времена, и тогда наступят лучшие дни, обязательно наступят.

Из редких, но подробных писем, которые я получал от Лидочки в течение последующих лет, я узнавал, что она с Геннадием и верными товарищами все-таки пытается продолжать дело покойного отца. Вот, добились того, что начали строить еще одно здание детского сада, где она стала работать воспитательницей, потому что к этому времени она была матерью двух дочерей.

В последнем письме радостно сообщила, что ждет третьего ребенка, хотя по нынешним временам ее поступок почти все считают едва ли не безумием, так как начали жить в другой стране, а значит, жить стали по-другому, теряя последнее — надежду. А вот эту исчезающую надежду она сохраняет в своей душе, и письмо закончила словами отца, который часто их говорил: «Перемелется — мука будет».

И вдруг — опять это страшное «вдруг»! — телефонный звонок от старшей племянницы: «Лидочка пережила клиническую смерть».

Решаю однозначно: надо срочно лететь.

И вот — я снова в родном шахтерском поселке. На такси подъезжаю к дому старшего брата. В палисаднике — та же голубая ель, стройная, высокая. Те же самые, как всегда, распахнутые настежь ворота. Во дворе — никого, и в сенцах — никого. Двери не заперты: открываю одни, другие, вхожу на кухню.

За столом, у широкого окна, сидит Тамара, одна-одинешенька, что-то вяжет. Господи, какая она постаревшая: седые волосы, глубокие морщины на когда-то красивом лице, погрузневшая. Увидев и признав меня, приподнимается, но тут же садится и плачет, не скрывая слез. Я обнимаю ее, бережно глажу по редким, седым волосам, сердца не чувствую — оно как будто не бьется.

— Жива, жива Лидочка,— почти шепотом, с трудом выговаривает Тамара, вытирая краем полотенца слезы.

Чувствую, как сердце начинает биться, отпускает боль в груди. Присаживаюсь напротив.

— Здравствуй, Тома. Это я.

— Вижу, вижу. Спасибо, что приехал.

Минуту-другую молчим.

— Я сейчас что-нибудь соберу на стол. Поди, проголодался с дороги.

— Потом, потом, Тома.

Она легко соглашается, начинает говорить о Лидочке.

Я узнаю о том, что Лидочка едва не померла: ребенок умер, а сама Лидочка пережила клиническую смерть.

— С того света, почитай, вернулась. Долго лежала в больнице, а сейчас, слава Богу, дома, под наблюдением лечащего врача. Нет, не здесь, а в своем доме, который они с Геной купили три года назад, вот только ремонт никак не могут закончить. Дом недалеко, через две улицы.

— Проводить не смогу — ноги совсем отказали, дальше двора не хожу. Сейчас позвоню, Гена придет. Пока не работает, ухаживает за женой. А дети у старшей живут. Все дочки мои дружно живут, между собой не ссорятся, такого за ними не водилось. И ко мне прибегают, по очереди, вот только меня ругают: «Зачем я полы мою?» А я вот привыкла в чистоте жить завсегда, Леонид, бывало, хвалил меня: «И в кого ты такая чистюля уродилась?»...

Она опять пытается встать, но я усаживаю ее:

— Да не волнуйся ты, Тома.

— Ты уж извини, поухаживай за собой, — и с грустью признается. — Совсем расклеилась. А тут еще Лидочка.

Я встаю, чтоб включить электрический чайник, а тут на пороге — Геннадий.

— Дядя Коля, здравствуйте.

Невысок, худощав, нет уже курчавых волос, прическа короткая, жесткая, темные круги под глазами, острые скулы щек. Но в уголках тонких губ — приметная улыбка, и взгляд — внимателен, цепок.

— Идемте, дядя Коля. Лидочка ждет.

— Как она там? — спрашивает Тамара.

— Да уже получше. Гораздо получше, — и опять напоминает мне. — Так идемте, дядя Коля.

Молча идем по широкой, травянистой улице. Выходим на другую, такую же широкую, травянистую. С дороги — невысокий спуск, и вот он — дом под цинковой крышей, с высоким забором и калиткой, выкрашенной в голубой цвет. Входим во двор. Здесь не так уютно — штабеля досок, холмики песка, строительный мусор.

— Потихоньку строимся, — говорит Геннадий, предупреждает. — Осторожнее.

— Ничего, понимаю, — соглашаюсь я.

В спальне — тихо, прохладно, сумеречно. На окнах — плотные шторы. Я не сразу замечаю кровать, а на кровати — полусидящую Лидочку, до подбородка прикрытую одеялом. На голове — шерстяной платок.

И первое ощущение: Лидочка словно в коконе. Неужели эта молодая женщина, с бледным лицом, с заостренным носом, и есть та самая Лидочка, которую все эти годы я держал в памяти, — веселую, живую, с широко открытыми чистыми глазами.

Я присаживаюсь к изголовью, целую ее тонкие, холодные руки, лежащие поверх одеяла.

— Спасибо, дядя Коля, — тихо, вполухе, говорит Лидочка и слабо улыбается, глядя на меня. — Вот какая я, нехорошая.

— Поправимся. Какие наши годы!

— И ты вон сединами покрылся, — откровенно говорит Лидочка и опять слабо улыбается. — Укатали сивку крутые горки.

В потухшем взгляде ее блеснули искорки.

— Гена, открой шторы. Сколько можно в полутьме сидеть.

Геннадий послушно одергивает шторы, и спальня наполняется полным полуденным светом.

— Сними платок, надоел.

Геннадий опять-таки послушно снимает платок, и упрямая прядка волос спадает на ее высокий лоб. Лидочка поправляет прядку, садится поудобнее. Геннадий молча подбивает подушку, присаживается рядом, готовый выполнить любую ее просьбу.

— Спасибо, дядя Коля, навестили,— и улыбка становится все более открытой, нежной.— Значит, жить будем.

— А куда мы денемся. Обязательно будем.

Слышен стук в дверь. Геннадий быстро выходит, и вскоре появляется вновь.

— К тебе, Лидочка, Татьяна Викторовна,— радостно сообщает он, пропуская вперед высокую, статную женщину в белом халате. Радуетесь вместе с Геннадием, когда слышим оживленный голос Татьяны Викторовны:

— Дела, как вижу, пошли на поправку. Это просто замечательно, Лидочка.

Мы с Геннадием выходим во двор, оттуда, через открытую калитку в огород. Он широкий, просторный, весь в грядках и кустарниках, с длинным сараем, который примыкает к дому, и с колодцем справа, а рядом с колодцем — пушистая, высокая и стройная, голубая ель.

— Откуда она здесь? — удивляюсь я.

— Отец из питомника привез, целый десяток. Два саженца себе оставил, а другие у него разобрали все желающие. Один из них здесь оказался,— и счастливый Геннадий сообщает.— Понимаешь, все саженцы прижились. Все вот такими красивыми елями стали. Прежний хозяин даже прослезился, так жаль ему было с красотой расставаться. Мы с Лидочкой рядом с елью этой беседку построим. Место открытое, веселое. И все — как на ладони. А пока, как, видишь, только столик поставили да две скамьи. Садись, дядя Коля, за встречу да за Лидочкино здоровье можно и по рюмашечке. Как, не возражаете?

Да разве можно возражать. Я был в данную минуту счастлив, как и Геннадий, счастлив, что у Лидочки, как выразилась врач Татьяна Викторовна, дела пошли на поправку. Да и рад я всему, что вижу: этот дом, этот огород, эта голубая ель. Да и погода выдалась на славу. Ярко светило полуденное солнце, приятно ласкал наши лица легкий ветерок, остро пахло укропом, и стояла такая удивительная, почти деревенская тишина.

Во все это я хотел уже верить, да и как не верить, когда живет вот такая Лидочка, светлая, веселая, с широко открытыми улыбающимися глазами, с которой всегда легко и радостно, даже в эти тяжелые времена. А то, что она сейчас переживает,— временно: главное, что клиническая смерть миновала ее, значит, она будет жить, и будет только хорошее; и эта хорошая, настоящая жизнь вся еще впереди...

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

СКАЗ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЕ И СТАРОМ СОВЕТНИКЕ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», тульском литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Проживает в городе Туле.

Правитель страны тяжело занемог. Ни его лучшим врачевателям, ни иностранным докторам не удавалось остановить скоротечную сердечную болезнь. Понимая, что смерть рядом, призвал он к себе наследника.

— Ты видишь, сынок, час мой уж близок,— обратился к нему правитель слабым голосом.— Не грусти слишком и главное долго,— ласково улыбнулся он, заметив слезы в несчастных глазах сына.— Это будет во вред той многотрудной службе, что предстоит тебе нести... Я знаю, печаль твоя искренна. Но знаю также, что велико в тебе желание править самому... Ты готов — и по годам зрелым, и по знаниям обширным, к коим стремился всегда, и по опыту участия в делах государственных. Но я, грешный, не успел предостеречь тебя от роковых ошибок. И не успею — сил нет и ясности нужной в голове... Ты, родной, поговори с моим старым и любимым советником. Прими его наставления, словно мои. А теперь иди, я устал.

Вскоре после этой встречи правитель умер и был похоронен с величайшими почестями. Народ горевал за исключением редких недовольных. При пожившем страна переживала разные времена. Но в целом достаток граждан все же немного повысился, число их возросло, и жить они стали дольше. Соседи страну уважали и даже побаивались, что помогало ей сохранять себя.

Новый правитель, исполняя отцовскую волю, рассказал о ней тому самому советнику и приготовился выслушать его. Тот прежде задал вопрос, снабдив его небольшой преамбулой. «Обычно,— начал советник,— новые правители, приняв полноту власти, пытаются произвести изменения в жизненном укладе страны. Это естественно, ибо всегда есть, что улучшить, а старые правители на исходе своего служения не склонны что-либо менять. Да и всякому новому правителю попросту хочется оставить свой след в истории, превзойти успехами предшественника. Скажите, Повелитель, что и как скоро Вы намерены переменить в стране? Будьте уверены — слова Ваши останутся тайной».

— Я замыслил немало коренных реформ и не собираюсь медлить с ними — уверенно заявил правитель.— Хочу изменить организацию власти в столице и провинциях, порядок сбора налогов, правила торговли, правосудие, состав армии, расходы на ее содержание, работу лечебных, образовательных домов и много еще чего. Наш народ достоин лучшей жизни.

— А кого Вы хотите взять себе в помощники, на кого опереться в делах? — спросил опять осторожно советник.

— На единомышленников, тех, кто верит в мои замыслы, на исполнительных профессионалов. Мне не нужны сомневающиеся. Да и крупные, чересчур самостоятельные люди — ни к чему. У них высокие амбиции. От них жди измены.

Советник не выдал своего разочарования ответами, а попросил лишь дозволения рассказать об одном наблюдении из собственной жизни. Правитель согласно кивнул и советник стал говорить. «Много лет назад,— вспоминал он,— довелось мне выполнять посольскую миссию в одной далекой стране. Рек и озер в ней было так много, что люди селились на них вблизи берегов, размещая свои легкие дома на деревянных сваях. Один дом опирался на десять-пятнадцать свай. Со временем они прогнивали и хозяева домов заменяли их. Делали это поочередно, одну сваю за другой, постоянно контролируя устойчивость жилища. Процесс замены выглядел простым и надежным. А представьте, Повелитель, что произошло бы, когда хозяева взяли бы менять сразу половину свай? Конечно, дом зашатался бы и развалился или его сорвало б с опор и унесло течением... Вы, Повелитель, простите старика за дерзость, хотите менять одновременно более половины свай. Не поступайте так, даже если все хорошо продумали... Что касается помощников и соратников, то мнение мое опять Вам не в поддержку. Но делать нечего, раз поклялся отцу Вашему сказать, что думаю, не юлить. Я согласен с теми, кто считает так: нет в окружении правителя крупных, самостоятельных личностей — это метка слабого правителя, а есть они — метка сильного».

Правитель дослушивал советника с потемневшим лицом, еле сдерживая гнев. Скупно попрощался и велел тому уйти. С тех пор жил советник в отдалении, не нуждаясь ни в чем. Но продолжал пристально следить за событиями в стране.

Прошло около десяти лет. За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаями нива, люди мирно трудились и богатели. Бедность осталась уделом лишь неисправимых ленивцев. Правитель вспомнил о старом советнике и решил навестить его, если тот еще жив. Советник оказался долгожителем. Одряхлевший, но с юношеским блеском в глазах он торжественно встретил правителя.

— Добро пожаловать в мой дом, Повелитель,— склонился старец в поклоне, как мог.— Нет границ счастью моему видеть Вас.

— Вот, приехал отблагодарить тебя. Не забыл я твоих слов, не забыл.

— Я это видел все последние годы, Повелитель. Какая еще мне нужна награда!

Михаил Левин-Алексеев
(г. Аликанте, Испания)

СПРОСИ СВОЮ СОВЕСТЬ!
(главы из романа)

Родился 8 июня 1961 года в г. Новокузнецке Кемеровской области. Окончил Кузбасскую государственную Академию, факультет физического воспитания. На факультете активно занимался наукой и руководил научно-исследовательским студенческим кружком. Служил в рядах Советской Армии в г. Чехове Московской области в инженерно-технических войсках. По окончании службы в 1984 году, приехал в Новокузнецк и преподавал на родном факультете. В 1986 году — тренер-исследователь по легкой атлетике в Центре Олимпийской подготовки при Кузнецком металлургическом комбинате им В. И. Ленина. В 1990 году поступил на службу в органы ОБХСС МВД. 10 лет проработал на оперативных должностях. Дослужился до начальника уголовного розыска УВД по югу Кузбасса. В 1998 году с успехом окончил Омскую Академию МВД по линии уголовного розыска. С 1999 года живет с семьей в Испании, где занимается бизнесом.

Читателям нашего журнала предлагаются отрывки из романа М. Левина-Алексеева «Спроси свою совесть!». По этой книге в данное время на киностудии «Мосфильм» создается сценарий для телевизионного многосерийного фильма. Действие романа развивается в России во второй половине 90-х годов прошлого столетия.

В одном из больших промышленных городов Сибири, в «Отделе борьбы с экономической преступностью» местного УВД работает начальником отделения немного странноватый, но очень талантливый оперативник Дмитрий Золотов. Однажды от своей ключевой агентуры он получил очень странное сообщение. Никто, даже сам Дмитрий, не мог тогда предположить, что его отделение при проверке этого агентурного сообщения столкнется со шпионской сетью британской стратегической разведки МИ-6, работающей на территории России. Нити его оперативной разработки под кодовым названием «Прииск», связанной с незаконной добычей драгметаллов в сибирской тайге, неожиданно приведут оперативников на самый верх российской элиты, которую и «охаживала» английская МИ-6...

*Моей матери Александре и отцу-фронтовику Гавриилу,
бывшему узнику фашистских концентрационных лагерей
смерти, а так же всем честным оперативным
сотрудникам МВД, ФСБ и ГРУ, истинным Патриотам*

АГЕНТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ «СТЕЛЫ»

Россия, юг Западной Сибири, апрель 1996 г.

Оставив Ксению у родителей, Золотов вернулся в город только под вечер. Неприятный разговор с матерью, поначалу больно задевший его мужское самолюбие, сейчас окончательно отошел на задний план. За годы работы в криминальной мили-

ции Дмитрий выработал в себе привычку полностью абстрагироваться от бытовых неурядиц и сосредотачиваться на главном. Главным в его жизни была и оставалась любимая работа. Это чувство всегда согревало его сердце в нелегких ситуациях, позволяя сохранять и самообладание, и холодный рассудок. Вот и в этот момент голова оперативника была занята только мыслями о тайнике и той информации, которую вложил в него агент. Как опытный опер, Дмитрий не питал особых иллюзий по поводу ценности заложенной информации, тем более что за последние три месяца от основных его агентов не поступало ничего такого, что представляло бы хоть какой-нибудь оперативный интерес. Это обстоятельство чрезвычайно злило Золотова, привыкшего всегда иметь в зачатке «стопудовый» расклад, хоть по какому-нибудь маломальски значительному делу.

Но надежда тонкой нитью в его сознании все же присутствовала. Удача должна была улыбнуться ему, потому что он для этого делал если не все, то почти все. Дмитрий был фанатиком своего дела, потому как использовал в оперативной работе все то, что увлеченно изучал по конспирологии. Некоторые из его коллег со значительной долей иронии считали Золотова «повернутым» на службе, и за глаза иногда крутили пальцем у виска в его адрес. Но, как считается, ничто так не угнетает человека, как успех другого. А вследствие этого, у некоторых его сослуживцев, просто кипела черная зависть за очевидные успехи. И немудрено, потому что Дмитрий всегда был напичкан достоверной «компррой» на фигурантов, прямо сказать, с серьезным должностным положением из различных государственных структур. Его задания в «серверку», подкрепленные подробнейшей справкой-меморандумом, всегда встречались разведчиками на ура. Начальник ОПО УВД Зуев Виктор Иванович так и говорил о золотовских «заказах»*: «Они, заразы, настолько интересны, что даже мои старшие групп оперативного наблюдения, мимо меня, напрямую звонили Золотову в кабинет, и интересовались, когда ожидать новых его заказов на СН по оперативным разработкам! Это что такое!? Безобразие!» — сокрушался Зуев. А с этим, Дмитрий никогда не заставлял их ждать, за что разведчики ОПО его искренне уважали.

Что касалось всей его действующей агентурной сети, то Золотов трепетно оберегал ее от возможной расшифровки и, как показало будущее, не напрасно. Со своей «второстепенной» агентурой он встречался лично, по их звонку, либо по его собственной просьбе. Встречи всегда проводил на явочной квартире. Содержателем явочной квартиры была семидесятивосьмилетняя Зоя Сергеевна Майдурова, носившая псевдоним «Хозяйка». В прошлом «смершевка», она унаследовала этот псевдоним и была преисполнена гордостью тем, что, работая на органы в таком преклонном возрасте, до сих пор оставалась в строю. Еще в пору ее бурной комсомольской юности вожака-активистки Зоя дала себе клятву: «...до гроба помогать ОГПУ-НКВД в борьбе со шпионами империализма!» Так сложилась жизнь Зои Сергеевны, что за пролетевшие в одно мгновение годы труда — сначала в заводском парткоме, а затем и в горкоме партии — у Майдуровой никогда не было семьи. И от этого она любила Дмитрия Золотова, как родного сына — за учтивость и обходительность. Да, собственно, использование ее квартиры давало ей, хоть и небольшие, но так необходимые в нынешнее время деньги. Золотов приносил их ей исправно — в начале каждого квартала.

Словом, механизм не давал сбоев. Золотовского, теперь уже бывшего, резидента «Мохова», Майдурова знала лично и не переносила на дух. Иногда, слушая через комнатную отдушину, как Дмитрий ведет беседу с агентом, при встрече женщина жаловалась ему: «Господи! За что только этому старому пердуну, да еще и ветерану ОБХСС, ты, Димка, деньги казенные платишь?! Он ведь тупой как «сибирский валенок». А какие тупые вопросы задает, господи, пень этакий! Вот раньше у нас в

* «Заказ» на СН — на сленге оперативников — задание на скрытое наблюдение (СН).

СМЕРШЕ...» Сергеевна, конечно, была человеком еще той, сталинской, «закваски», и в жарких спорах с Золотовым, нынешний режим поносила нещадно, называя его не иначе как «воровским пиром ельцинских обмылков», и что, мол, Еськи Сталина на них нет! Он бы их в стойло живо определил! Майдунова была почему-то твердо убеждена, что лет через 20—25, все вернется на круги своя, только без таких врагов народа, как Горбачев и Ельцин.

Еще в квартире у Зои Сергеевны хранился уникальный подарок ей от самого Серго Орджоникидзе — десятикратный цейсовский бинокль, который она берегла, как зеницу ока. Почти каждый вечер, удобно устроившись у кухонного окна, она выключала для маскировки свет и до поздней ночи наблюдала в бинокль за всем, что ходило, ездило и вообще двигалось в ее дворе. В толстой общей тетради Зоя Сергеевна аккуратно вела записи всех госномеров машин, заезжавших во двор, их марку и точное время приезда-отъезда. Даже не забывала подробно заносить в тетрадь внешние данные людей, приезжавших на этих машинах, и в какой подъезд именно они входили. Тех, кто жил с ней в одном доме давно и кого она знала в лицо лично, Сергеевна во внимание не брала. Ее интересовали только незнакомые посетители. Что это? Старческий маразм или отголоски эпохи всеобщей подозрительности тридцатых годов? Возможно. Но однажды (надо ж такому случиться!), около полутора лет тому назад Зоя Сергеевна Майдунова помогла оперативникам ОУР Центрального РОВД раскрыть тягчайшее преступление, о котором даже в «Вестях» по ЦТ говорили. Это был жестокий квартирный разбой с убийством всей семьи, где жертвами стали даже малолетние дети — десяти и тринадцати лет. Поднятый по тревоге весь оперативный состав ОУР УВД проводил поквартирный обход и опрос граждан всего дома. Дошли, разумеется, и до Зои Сергеевны. Вот здесь-то у видавших виды опытных сыщиков «убойного отдела», что называется, «отпали» от удивления челюсти. Старушка выдала им почти полный расклад по делу, указав и марку, и номера машины, и количество человек с подробным описанием внешних примет, так как преступление было совершено среди бела дня. Железин вызвал Майдунову в свой кабинет и при всем построенном руководстве аппарата СКМ и УВД наградил растроганную пожилую женщину японским телевизором марки SONY. За оказанную помощь в раскрытии этого зверского убийства, имевшего в области сильный общественный резонанс, она получила от МВД РФ восемнадцатидневную путевку в санаторий и денежную премию с Почетной Грамотой МВД РФ. Все четверо отморозков получили по заслугам, от двадцати лет лишения свободы до пожизненного заключения.

* * *

Взгляд Золотова задержался на больших электронных часах главпочтамта, фасад которого выходил к главному выходу городского Парка имени Юрия Гагарина. «18.53, нужно поторапливаться, уже темнеет», — отметил про себя оперативник. Дмитрий проворно юркнул в подъезд дома, находившегося в десяти метрах от ограды парка, который служил ему всегда для быстрой смены внешности перед выходом к закладке. В подъезде Золотов, как всегда, прислушался. Вроде тихо. Так! Быстро меняем одежду и остальное! Резким движением руки он скинул с плеч черную кожаную куртку и, молниеносно вывернув ее на обратную сторону светло-коричневого цвета, вновь набросил на крепкие плечи. «Порядок! Так, теперь морда! Быстрее!» Дмитрий достал из нагрудного кармана полиэтиленовый пакетик с усами, ловко наклеил их на лицо, затем надел «профессорские» очки с темной роговой оправой и посмотрел на себя в крохотное зеркальце. «Хм! Хо-орош! Узнать кому-нибудь будет непросто! — хмыкнул Золотов. — Ах, да, черт, чуть не забыл!» И его правая рука выдернула из кармана куртки черную кожаную бейсболку. Быстро нахлобучив ее на голову, он

вновь взглянул в зеркало: «Класс! — шепнул Золотов.— Так. Все. К закладке!» И оперативник быстро вышел из подъезда, так как уже отчетливо услышал шаги людей, спускавшихся по лестничному маршу.

Дмитрий брел медленным шагом по узенькой аллее вечернего парка, где еще утром с дочерью наблюдал прилет первых весенних скворцов. В конце аллеи, к которой он направлялся, под старой березой стояла одинокая скамейка с чугунными поручнями. Золотов знал, что с агентом он условился оставлять тайник слева от скамейки в полуметре от поручня. Тайник представлял собой контейнер в виде металлического полого гвоздя, вонзенного по шляпку в землю и внутри которого было вставлено сообщение агента. Не дойдя до места закладки метров двадцать, оперативник остановился и с осторожностью осмотрелся. Опытный взгляд подсказывал, вокруг все спокойно, если не считать шелеста капель начинавшегося дождя на прошлогоднюю сухую листву. В воздухе стоял отвратительный запах кошачьей мочи — верный признак того, что местечко в парке являлось малолюдным. С выемкой Дмитрий не спешил. Еще раз, убедившись в отсутствии поблизости постороннего присутствия, он не торопливо подошел к скамье. Присаживаться не стал, со стороны это выглядело бы нелепо: «Какой же баран станет мочить задницу о сырую скамейку при непрекращающемся дожде! — весело подумал Золотов, хотя у самого от холода уже не попадал зуб на зуб.— Ладно, черт ее задери, эдак и до ангины с гриппом недалеко!» — буркнул он и, ловко ковырнув землю у скамейки, резко выдернул металлический гвоздь-контейнер с агентурным донесением. Наспех очистив железку от сырой земли заранее приготовленной тряпочкой, Дмитрий сунул ее в карман куртки и, выматерившись по поводу погоды, почти бегом припустил домой.

Уже третий год как Золотов перевел на тайниковую связь свою особо ценную агентуру. Ту агентуру, которую ценой невероятных усилий Золотов приобрел в руководствах крупных промышленных предприятий, банках, и, что было особо ценным для него самого, — в городской администрации. Принимая такое решение, Дмитрий, прежде всего, опасался за безопасность этих людей, сотрудничавших с ним и владевших серьезнейшей информацией о связях «городских боссов» с матерым криминалом. Как показала жизнь, действия Дмитрия были весьма и весьма своевременными.

Подобно кровавому топору располосовала на куски Советский Союз горбачевская «катастрофка» в 1991 году. К этому и трем последующим годам аналитики Минобороны РФ и ФСБ относят «великий исход» из оперативно-розыскных и контрразведывательных структур МВД и ФСБ такого беспрецедентного количества высококвалифицированных сотрудников, на подготовку которых государство затратило огромные деньги. В большинстве своем это были уникальные люди, составлявшие золотой фонд Оперативного Щита России. Причиной тому явился обрушившийся на страну жестокий экономический и духовный кризис. В умах и душах наших граждан, считавших себя до этого представителями величайшей державы мира, поселился хаос. Потеряв духовные и вообще какие-либо ориентиры, страна оказалась на политическом перепутье. Ельцину с окружающей его сворой воров-чиновников было глубоко наплевать на население страны, не говоря уже о тех, кто носил погоны. Там начался «шабаш ведьм», а точнее — отчаянная дележка государственной собственности. До силовых структур никому не было дела. В результате такого предательства Армии, МВД, ФСБ — на всех защитников Отечества обрушился моральный и материальный произвол. За всю многовековую историю существования Руси никогда наше воинство не испытывало такого унижения от своих правителей!

Как следствие, оперативные подразделения силовиков покинула целая армия талантливых и порядочных людей. Но были, разумеется, и негодяи, которые до этого затаили злобу на государство, подонки, которые только и ждали подходящего мо-

мента. И они начали изливать годами копившийся в них политический яд на свой же народ, из которого сами вышли. Но эти — это еще полбеда. Страшнее всего было то, что среди покинувших оперативные структуры сотрудников, к сожалению, было много и таких, которые повернули свое оперативное мастерство против своих же соотечественников. А вот это уже было крайне серьезно. Такое «воинство» представляло серьезную угрозу для внедренной в окружение их новых хозяев агентуры. Опытные, дерзкие, прекрасно обученные государством контрразведывательной работе, эти люди за деньги рыли землю, обеспечивая безопасность бизнеса своих хозяев от конкурентов. Что им стоило вычислить «пенька» внедренного оперативниками УБОП в «хозяйское» окружение? Да ровным счетом ничего! Ну, а уж затем «убрать» его навечно — дело техники!

Нигде и ни у кого еще в мире не было таких обученных частных охранных структур, как в России. В то время любая служба безопасности маленького частного банка дала бы сто очков форы даже службе охраны Президента США. Это значительно осложнило работу всех оперативных аппаратов МВД и ФСБ. Холодный рассудок и волчье чутье своевременно подсказали талантливому оперу необходимость незамедлительной смены рисунка агентурной работы и усиления мер по ее конспирации. Дмитрий принял все мыслимые и немыслимые меры для недопущения возможности расшифровки ценной агентуры и для ее физической защиты. «Жаль, что это понимают единицы,— думал Золотов о своих коллегах по оперативной работе.— Очень жаль! Так можно людей погубить! Ведь в отличие от нашей внешней агентуры, которая добывает стратегические разведанные за рубежом, внутренняя — действуя в бандитской и «беловоротничковой» мафии — рискует куда более серьезно! Внешняя — что: если засветился, не дай Бог,— тюрьма. Сроки, правда, приличные, но, в конце концов, у тебя есть надежда на то, что в будущем тебя обменяют на такого же, как ты, сцапанного нашей контрразведкой. Во всяком случае, государство будет за тебя хлопотать, и жизнь твоя вне опасности. А вот внутренней агентуре, в случае провала, уже ничем не поможешь. В наше время — это почти что верная гибель! В лучшем случае, изувечат так, что лучше бы убили, чем потом всю оставшуюся «жизнь» на инвалидной коляске пороги райсобесов обивать. Бандиты «стукачкам» не прощают никогда и ничего...»

Дмитрий полностью исключил личные встречи с основной агентурой. В создавшейся ситуации слишком велик риск «засветки», тем более что она внедрена на особо охраняемых новыми службами безопасности объектах. Это обстоятельство вынудило Золотова обратиться к старому фронтовому другу своего отца — Максиму Николаю Зиновьевичу — высококлассному токарю, с которым Золотов-старший в 1941 году уходил на фронт. Для Дмитрия он изготовил три одинаковых контейнера в виде гвоздя большого размера. Состоящие из двух свинчивающихся между собой частей, они были полые, специально для вложения в них тонкого свертка из бумажного листа. Гвозди-контейнеры имели острейший наконечник, и поэтому легко входили в грунт от небольшого нажатия ногой.

Следующее, что сделал Дмитрий, это обучил агентов зашифровке информации на случай, если закладка попадет в чужие руки. Шифр Золотов придумал сам, причем для каждого агента он был индивидуальным. Это было и удобно, и достаточно безопасно.

На город уже опустилась темнота, когда порядком замерзший и совершенно обессилевший от событий прошедшего дня, Дмитрий добрался до квартиры. Переступив порог, он молча разделся и, не проронив ни единого слова, заперся в своей комнате. Алевтина ни о чем его не расспрашивала. Она кожей чувствовала те нелестные слова, отпущенные родителями Золотова в ее адрес, которые он принес в себе.

Все было написано на лице у мужа, когда он раздевался в прихожей. Жена просто не рискнула с ним заговорить, зная, что сейчас его лучше не трогать.

Золотов сидел в мягком кресле и расшифровывал агентурное сообщение под монотонную дробь дождя, стучавшего по оконному карнизу его комнаты. Дождевые капли, словно тикающие настенные «ходики», уже отсчитывали первые минуты надвигающихся событий. Событий, которые внесут в жизнь Дмитрия Золотова серьезные коррективы и откроют ему глаза на совершенно неожиданные грани людского бытия, без которых его честная душа русского офицера, возможно, так и блуждала бы в холодных лабиринтах человеческой лжи и слепой ненависти. Через полчаса, когда часы в зале отсчитали одиннадцать вечера, на рабочем столе оперативника лежало расшифрованное агентурное сообщение.

Агентурное сообщение

Сообщаю, что вчера, 3 апреля 1996 года, я находилась на Дне Рождения у Вольмана Леонида Юрьевича — директора коммерческой фирмы, занимающейся лесозаготовками и изготовлением таможенных деклараций для городской таможни. Из присутствовавших на торжестве были: директор городского рынка Джафаров Альмар Маасия-оглы с женой Тамарой; начальник налоговой инспекции города Шелепов Владимир Васильевич с женой Ириной и начальник СКМ УВД города Гайман Давид Аронович. Еще присутствовали три незнакомых мне мужчины. Один из мужчин говорил с прибалтийским акцентом, его звали Курт. Остальных мужчин звали Алексей и Геннадий. Правда, мне показалось, что лицо Алексея мне знакомо. Где и при каких обстоятельствах я его видела — не помню. К концу банкета все находилось в состоянии сильного алкогольного опьянения. Гайман ушел раньше всех, за ним ушли эти трое мужчин. Находясь на кухне, я, совершенно случайно, обнаружила за оконной шторкой оброненный на полу ежедневник Вольмана. Так как этого никто не заметил, я ушла в дальнюю комнату и успела переписать из ежедневника заинтересовавшее меня место:

- Урочище Воскресенка, 60 км от Ольхового П. есть ш. (место знаю)
- За заказ тр. верт. и перевоз драги по частям — 1200\$ за каждую ходку
- Австрийцу — 20000\$, но это только за вещь. Монтаж своими силами.
- Прикрытие (официально) пилорама в Серебряном (на лес 3-й категории)
- Бригада — бывшее зечье, твари конченные, но надежные.
- 1. Юрьев Игорь Васильевич (погоняло: «Волына»)
- 2. Масленников Виктор Павлович («Масленок»)
- 3. Байзых Анатолий Гарревич («Хохол»)
- 4. Хайбулин Зефар Мустафьевич («Бай»)
- 5. Кононов Юрий Борисович («Рысак»)
- 6. Каитанов Эдуард Николаевич (погоняло: «Профессор», он же бригадир)
- 7. Юнц Александр Вильгельмович («Туз», этот «В Законе»)
- Рабочим по 300\$ в месяц.
- Прикормка местного мента из расчета 1000\$ (но не больше).
- Шелепов в доле (за связи и сбыт).

*Более ничего такого, что представляло бы интерес, добыть не представилось возможным. Ожидаю новое задание через у/м.**

Стелла

* У.М. — условленное место (в данном случае тайник).

«Во дает баба! Вот это хрень она выцепила!» — сердце Дмитрия запрыгало, как у неопытного любовника в ожидании выхода любимой дамы из ванной комнаты. Золотов некоторое время пребывал в полном замешательстве. Ничего подобного от своей ключевой агентуры он не получал никогда. Ну, были, правда, у него когда-то серьезные сообщения о готовящейся даче взятки какому-нибудь там государственному клерку. Или вот еще, например. Агентура «заложила» какого-то чиновника в присвоении государственных денежек. На них он прокатился с молодой любовницей на отдых в Эмираты, сказав при этом жене, что убывает в командировку в какой-нибудь далекий «Северодришинск» на учебу. Это еще куда ни шло! Но как относиться к содержанию вот этого сообщения, оперативник не знал.

«Что такое эта драга? Кто такой австриец, за какую такую «вещь» Вольман ему должен отвалить аж 20000 «зеленью»? И, наконец, кто такой «мент»? И, главное, за что нужно его «прикормить» из расчета 1000 \$?» Дмитрий судорожно цеплялся за каждое написанное в сообщении слово. Ничего не понятно. Пока что он сообразил одно: аббревиатура «тр. верт.» — не что иное, как транспортный вертолет. И еще! Основательно подтверждаются упорно ходившие среди оперов слухи о том, что, начальника СКМ УВД полковника Гаймана связывает с директором городского рынка Джафаровым «нечто большее», чем знакомство. От доверенных лиц, работавших под началом Джафарова Альмара, Золотов знал, что личностью он был просто омерзительной и к тому же очень хитер. Что могло связывать начальника криминальной милиции УВД города с ранее судимым торгашом — для Дмитрия оставалось пока не ясным. То, что явно не только «дружеские чувства» — было ясно, как божий день. Тут Дмитрий вспомнил, как два года назад у него развалилась оперативная разработка по одному начальнику районного торгова — Игорю Лурнику, на чьей территории находился рынок Джафарова. К тому времени, правда, операм уголовного розыска от источников уже поступала информация что Джафаров и Лурник — друзья — не разлей вода, и что агентура доносила об их совместных интересах по героиновому бизнесу. Золотов тогда, хоть и ознакомился с сообщением, которое ему принес урка,^{*} но отнесся к нему скептически. Мол, иногда и «пенек» соврет — не дорого возьмет! А напрасно. Тогда у Дмитрия пропали уличающие Лурника документы, в которых невооруженным глазом было видно хищение четырех с половиной тонн этилового спирта. Как они пропали — для Золотова осталось загадкой и по сей день. Тогда у Дмитрия в момент реализации оперативного дела не было, что называется, и тени сомнения в том, что работающий возле Лурника агент точно вывел опера на то место, где хранились эти документы. Оставалось только организовать внезапное изъятие и возбудить уголовное дело по еще тогдашней статье 93 УК РСФСР — хищение собственности в особо крупных размерах...

Но не тут-то было! Буквально за считанные минуты до того, как оперативники нагрянули с обыском, документы исчезли. «Растворились, как газы в воздухе!» — зло и грубо пошутил тогда Паршин. Конечно, это был провал. Взбешенный до белого колена Золотов, долго ломал голову вместе с Паршиным: как это произошло?! И самое главное — КТО СДАЛ разработку Лурнику? «Агент? Не может быть!» — убеждал себя Дмитрий. — Она — человек проверенный! К тому же горела жгучим желанием свести счеты с Лурником. Нет, агентесса отпадает точно. Но тогда — кто?»

Об оперативном деле Золотова знали только начальник ОБЭП Паршин и, разумеется, по команде — начальник СКМ Гайман Давид Аронович. Вот только в этот момент Дмитрий и вспомнил лицо Гаймана, когда принес ему на подпись постановление о начале оперативной разработки по директору районного торгова Игорю Лурнику. Тогда Дмитрий, глядя на Гаймана, еще подумал: «Что-то ты, Давидушка, какой-то

^{*} «Урка» — на сленге оперативников — сотрудник уголовного розыска.

напряженный стал! С чего бы это?» Впоследствии Гайман частенько интересовался ходом дела у Золотова, а вот по другим делам такого интереса за ним что-то не замечалось. Лурник, как и следовало ожидать, вышел сухим из воды, а вот Золотов за срыв оперативной разработки получил свой первый и пока единственный «строгач» от областного начальника УБЭП генерала Воробьева.

«Да-а, Давид! — ухмыльнулся про себя Золотов, — Ничего конкретного, к сожалению, на тебя пока нет, но с этого момента с тобой нужно ухо держать востро! Не красивая, понимаешь, про тебя информация всплывает. Выходит, ты не из наших войск, а из неприятельских, гнида!». Золотов все перечитывал и перечитывал сообщение агентессы. «Нет, все-таки что-то тут есть интересное», — думал Дмитрий. Эта бумажка, что лежала на столе, заряжала его каким-то непостижимым искрометным азартом. «Теперь не мешало бы поближе познакомиться с фигурантами», — решил Золотов. Он еще не до конца поверил в серьезность прочитанного. «Однако не могла же агентесса выдумать такое из головы! Она же это «сдула» с личного дневника Вольмана!.. Кстати кто такой? Почему не знаю?.. Значит, Стелла «за что купила, за то и продала», и лишний раз ее беспокоить не имеет смысла, — заключил Дмитрий. — Да и опасно это, в конце концов. Смотри, под какими волками ходит. Ладно, буду проверять не спеша, авось что-то действительно стоящее вывалится. Ведь этот, как его там, Леня Вольман, — он же собирается какого-то мента «прикормить» за «штуку зеленки. А это уже по вашей части, мистер Золотов!»

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА *

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Обля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

...Мудрец шепчет...

Вот они: владельцы мира... президенты-уродцы... политики-психопаты... политологи-параноики... профессора... футурологи... журналисты... артисты... сексологи... гомосексуалисты... лесбиянки...глобалисты... концептуалисты... онанисты... банкиры... бизнесмены... безмужние жены-кликуши... которым — по Фрейду — снится атомная бомба... и они сладострастно гладят дрожащими перстами ее фаллическую округлость, стреловидность...

Сатана многолик...

А слова его заумны... темны... как переключки, как хрипы гиен в ночи...

Йиыыы!..

И когда всемирная ложь и блуд перейдут все границы земного ада —

Эти Бомбы!.. Ракеты!.. Лазеры!.. Подводные лодки — заговорят!.. задымятся!.. оживут!.. запляшут!.. рванутся!..

* Продолжение; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

Стратегические ракеты с адовыми бомбами — это Летящие Голгофские Гвозди
Второго Распятья Христа!

Воистину!

Они полетят в Ладони... в Святые Запястья... в Запыленные Чуткие Стопы Христа...

И от этих горящих ядерных Гвоздей Христос навсегда покинет землю и уйдет навек в небеса...

Вместе с Моисеем... с Буддой... с Мухаммадом...

Второго Пришествия уже не будет...

И для кого Оно, когда земля станет пуста...

...Внезапно Судия приидет и коегождо деяния обнажатся...

О, Господь!..

Отодвинь Сей Час!..

О, Боже!..

...Ночь плывет над псковской деревенькой Синий Никола...

Полная серебропещущая Луна стоит в небе...

Огонь в печке-притопке давно погас...

Давно уже спит старуха Варвара...

Спят осел Хунук и коза Малька...

Березовое тепло от печки сморило всех...

...Только не спит тысячелетний странник, Цыган Мировой Мудрости, Ходжа Насреддин...

Он шепчет, улыбаясь:

— О, Господь!..

Я не хочу быть пророком...

Я лишь муравей на Твоей Ладони!..

Я лишь суслик-тарбаган, учуявший близкий пожар иль землетрясение и бегущий из норы, чтобы оповестить других сусликов...

Но!..

О, властители мира сего!.. но вы не спите... у вас бессонница ночного вора... тати...

И потому вы носитесь по миру с горящими угольями...

И тайно алчете спалить этот мир, погрязший в вашей лжи и в грехе нелюбви... в рабской нищете покорных народов...

О, святая простота и нищета!..

...Мудрец шепчет...

У Аллаха... у Бога — нет денег...

Все деньги у шайтана... у сатаны...

И потому те, у кого много денег — слуги сатаны...

Если долго глядеть на деньги — можно увидеть мелькающий хохочущий лик сатаны...

Банкиры видят этот скалящийся лик...

А бедняки — нет...

Банки — это смертельные тромбы в теле человечества...

От них идет погибель на народы...

И если случится Последняя Война — над сгоревшею землей будут летать пачки, стаи недогоревших нераспечатанных банкнот...

И лик сатаны будет хохотать над землей опустевшей...

Но кто увидит его...

Банкиры открыли самый страшный закон совокупленья денег...

Как люди и звери, совокупляясь, порождают людей и зверей — так и деньги, совокупляясь в тайных хранилищах, порождают шальные деньги — убийцы, раковые клетки человечества...

Айхххх!.. Мне зябко и страшно от этого закона банкиров!..

Но!..

Господь, Хозяин Миров, помилует и не даст спалить Эту Блаженную Землю...

...Эту сребролунную ворожащую древлерусскую избу, похожую на старую лошадь, у которой ребра — как ломкие бревна.....

Эту потухающую сладостную печку, струящую тепло...

Этого пропыленного от тысяч дорог осла...

Эту сребролунную беззащитную изумруднооую козу...

Эту сребровласую, спящую на печи безвинно кроткую, как Тысячелетнее Русское Православие, русскую старуху...

...Мудрец шепчет...

Но!..

Кротость пред Богом, но не пред сатаной...

Но!

Кто слышит живых мудрецов, когда не слышат Вечных Небесных Пророков...

Сон объял мир...

Мудрец шепчет, но никто не слышит Его...

Кроме Творца...

Кроме Хозяина Вселенского Огня...

А Он с отеческою улыбкою склонился над блаженною Землею...

И над русскою избою...

...А по осенней золотой Руси бредет улыбчивый вселенский батюшка Никола Чудотворец с тремя узельцами злата...

Батюшко!..

Ждут Тебя в каждой русской избе, в каждом доме, в каждом граде...

Батюшко!..

Ждут Тебя не из-за злата...

А из-за любви... одиночества... и упования...

Блаже!..

ПРОСТЫЕ МЫСЛИ

Москва — Кондара — 2014 г.

...Мудрец сказал:

— Мне кажется, что все мы утонули в
Океане словоговоренья.

Все мы во власти блудного многословия,
которое сокрывает истину...

Дорога к простому Читателю затерялась в
серпантинах словес.

Похоть многоглаголанья — великий грех...

А так хочется найти слова, которые были
бы понятны и академику, и доярке...

Да где они — эти простые слова и мысли?..

Но попытаемся, Читатель мой!..

Я вспоминаю несколько притч...

...У Мудреца спросили:

— Какая гора — самая высокая?..

Какое море — самое глубокое?..

Мудрец сказал:

— Самая высокая гора — это та, с которой говорили Пророки!..

Самое глубокое море — это море блудных словес Горбачева...

В этом море утонула одна шестая часть суши... Великий СССР...

И еще одна притча.

...Однажды мудрец сладко уснул на берегу весенней реки... но проснулся от
страшных воплей, криков...

Мудрец открыл глаза и увидел мечущегося по берегу человека...

Тот кричал:

— О, Всевышний!.. В мире развелось так много президентов! политиков! поли-
тологов! футурологов!.. профессоров!.. журналистов!.. писателей!.. поэтов!.. магов!..
певцов! философов!..

И мне нечего делать в этом мире... Я стал безработным!.. Никто не хочет слушать
меня...

Мудрец печально спросил:

— Кто ты, несчастный?..

И тот прошептал:

— Я шайтан... безработный одинокий шайтан... Сатана...

И еще одна притча:

...Вот Спаситель Иисус Христос учит с Горы...
И народ слушает Его... внимает Ему...
Люди склоняют грешные пыльные головы...
Божья мудрость-благодать изливается из Великих Уст...

Но вот Спаситель умолк и отошел в пыль дороги...

Тогда стали говорить Апостолы...
А за ними — прохожие рыбаки... и торговцы...
А за ними — фарисеи... книжники... уличные златоусты...
А за ними — жены-мироносицы...
А за ними — говорливые прохожие... и нищие зеваки...

Много их было...

Много часов говоренья миновало...

И все устали, забыли в океане пыльных блудных словес — о Чем говорил Спаситель...

А Сам Спаситель, устав от иссушающих, пустынных, мертвых слов — давно уснул в тени блаженной немой оливы...

Только Левий Матфей собрал Золотые Вечные Слова Христа, как некогда собирал подати...

...Так один человек спас Человечество...

После этих трех притч (две из коих принадлежат мне) я попытаюсь простыми словами поведать о наших запутанных трагических днях...

(Продолжение следует)

